

Diana Luras

ВЛЮБИТЬСЯ
ЗА ОДНО *Лето*

Диана Лурас

Влюбиться за одно лето

<https://litres.ru/74500723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он из города. Она из деревни. Это лето изменит всё.

Денис – студент-экономист, коренной городской парень и обладатель белых кроссовок, которым не место на деревенской дороге. Он отправлен в ссылку в деревню Мокрое, без интернета, без денег, без привычного комфорта. И без шанса на побег.

Варя – та самая «серая мышь» с лекций, которую Денис не замечал в универе. Но в деревне всё иначе: она здесь своя. Уверенная, живая, и, как оказалось, красивая. И именно она становится для него проводником в мир, где ценятся не бренды, а поступки.

Они ругаются, спорят, учатся слышать друг друга. А между ними разгорается то, что не купишь ни за какие деньги. Но впереди – город, друзья, тусовки, и вопрос: можно ли перенести любовь, рождённую под деревенским небом, в каменные джунгли?

История о том, как одно лето может переписать всю жизнь. И о том, что «серая мышь» иногда оказывается самым ярким человеком.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	51
Глава 8	59
Глава 9	69
Глава 10	78

Диана Лурас

Влюбиться за одно лето

Глава 1

В городе всегда пахнет выхлопом от машин и раскаленным асфальтом, а еще – десятками чужих духов в лифте общежития. Я нажала на кнопку седьмого этажа, и по привычке задержала дыхание, мысленно отсчитывая тридцать секунд, пока эта коробка везет меня наверх. Ровно столько длиться путь, если лифт не застрянет и не придется ждать, пока тебя вытащат, а такие случаи у нас бывали.

Последний экзамен был уже сдан, а это значит, что завтра я сяду в автобус, и через три часа вместо этой смеси химического смога вдохну запах речной воды, зеленой травы и сена. Я держалась за эту мысль, как утопающий за спасательный круг. За весь год я ездила домой всего пару раз, на Новый год и за одеждой по сезону. Все остальные выходные я подрабатывала: выгуливала собак, сидела с пожилыми людьми, с детьми. Заработанных денег вполне хватало на личные расходы и на еду. Но, когда на экзамене по матанализу спросили про пределы, я думала о пределах моего терпения и о том, что бабушка уже, наверное, высадила первые огурцы.

Я училась на биолога. Когда родители заговорили о выс-

шем образовании и начали предлагать варианты, я согласилась лишь на этот. Биология всегда давалась мне легко и была интересной, поэтому и поступила я на бюджет. Учеба давалась достаточно просто, но вот времяпровождение в городе выматывало.

Жила я в общежитии, и летом это жалкое зрелище. Все, у кого есть деньги, снимали квартиры круглогодично, либо уже разъехались. До последнего оставались только мы, вечные студенты с окраин, и те, кому не повезло сдать экзамены с первого раза.

Я дошла до комнаты и сразу принялась собирать чемодан.

– Варька, когда ты уже свалишь? – спросила Лена, соседка по комнате, захлопывая за собой входную дверь. На ее голове красовалось полотенце. – Твоя тоска по навозу настолько мощная, что я физически ощущаю ее в воздухе.

– Завтра в шесть утра автобус, – улыбнулась я. – А ты? Еще здесь?

– Да, одна пересдача, – отмахнулась она.

– Зато сможешь курить в окно и не бояться, что я сдам тебя комендантше.

– Дура, – беззлобно бросила Ленка. Она знала, что я никогда ее не сдам, хоть и не переносу запах сигарет. – Знаешь, я даже завидую тебе немного.

Я вопросительно выгнула бровь, и даже перестала паковать вещи.

– Что? У тебя там речка, малина, тишина да благодать. А

я останусь здесь, в душном городе, хоть и поеду к родителям. Буду работать бариста за копейки.

Я не стала говорить ей, что речка – это еще и комары размером со стрекозу, а тишина нарушается дикими воплями соседского петуха, который может заорать в три часа ночи, потому что у него сбились биологические часы. Так зачем разочаровывать человека?

Я положила последнюю мелочь в чемодан, и посмотрела на его содержимое. Там лежали не шпильки с модными платьями, а пара леггинсов, джинсы, несколько футболок, легкая куртка, и одно единственное платье, но здесь в таком ходить только мусор выбрасывать, потому что оно не трендовое, а обычное голубое в белый горошек, прямо как из фильмов про колхозниц. Хотя, по факту, я и есть колхозница, точнее сказать, деревенская девушка.

Я глянула на свое отражение в темном экране планшета. Волосы собраны в хвостик, на носу очки, они мне и не были нужны, просто так меньше лезут одноклассники, единственный макияж на моем лице – покрашенные и аккуратные брови. В городе я выглядела так, будто у меня аллергия на окружающий мир. Даже мое лицо, казалось, подстраивалось под настроение и всегда было бледным. Если придерживаться такого режима невидимки, то никто не просит помочь с домашними проектами.

Но незаметной получалось быть не всегда. Как-то раз я задела локоть парня, который заставил меня почувствовать

себя еще хуже. И это, выражаясь поэтически, оставило след в моей душе, не самый приятный. С такой нескрываемой брезгливостью на меня смотрели впервые. Он окинул меня взглядом, достойным короля, обнаружившего в тронном зале бомжа. Я тогда была готова провалиться сквозь землю, а, казалось бы, невинная ситуация. «Ходячий ужас», – прочитала я тогда в его взгляде.

Денис Морозов. Его фамилия полное отражение его личности. Мне повезло не учиться с ним на одной специальности, но не повезло находиться в одной аудитории на общих лекциях по иностранному языку. Это событие происходило буквально раз в неделю, но осадок оставался до следующего занятия. Спокойные лекции можно было пересчитать по пальцам, и не потому, что он дебоширил или срывал занятия какими-то неадекватными выходками, нет, он просто вел себя так, будто лектор лично виноват в плохой погоде.

Я с силой захлопнула чемодан, разрушая этим шлепком вдруг нахлынувшие мысли. Нет, этот момент этого учебного года завершен, надеюсь, в следующем мне повезет больше и нас наконец-то распределят по группам, как положено.

Утром я проснулась раньше будильника. Организм сам рвался домой. Я нацепила легкую рубашку, джинсы, благо чемодан был на колесиках, и, не оглядываясь, покинула место моего временного обитания.

Автовокзал был не менее легким испытанием. Тетки с

огромными сумками, кричащие дети, собаки и коты, запах жареных пирожков и бензина. Я купила билет в кассе и заняла место у окна. Через пять минут двигатель автобуса заурчал, как желудок великана во время голодовки.

Первые минут сорок мы просто выбирались из бетонного города. Пробки, светофоры, коробки новостроек, я смотрела в окно и считала этажи. Это было похоже на один сплошной улей, а люди в нем были пчелами.

А потом автобус выехал на трассу, и мир за окном начал меняться.

Сначала были поля, городские – ржавые и заваленные мусором. Потом – настоящие, с зеленой травой, и отливающим на них золотом солнцем, небольшой ветерок гнал по ним волны, и казалось, что они дышат.

Оставшиеся два часа пролетели незаметно. За окном уже начинали мелькать названия поселков и сел, и, наконец, табличка с названием моей деревни. Вот и поворот, ориентир – старый дуб с большим дуплом, в котором, если верить бабе Нюсе, живет наш сторожила – леший.

Автобус, скрипнув тормозами, остановился на небольшой гравийной площадке, которая гордо именовалась «Автостанция».

Я вышла из автобуса, забрала чемодан из багажного отделения, и вдохнула полной грудью запах земли и ветра. Не спертый воздух выхлопных труб, а настоящую чистоту.

– Варя! Привет, красавица!

Дедушка подошел ко мне и обнял своими огромными ручищами. Он у меня был мужчиной ого-го. Я уселась на пассажирское место старенького уазика и сразу была облизана нашим псом Бубликом. Он стоял, виляя хвостом, и переминаясь с лапы на лапу на заднем сиденье и радостно поскуливал. Да, я тоже скучала по этой мордашке.

– Ну, привет, лохматый. – Я повернулась к нему и ласково потрепала за ухом.

– Как доехала? – спросил деда, заводя мотор. Уазик завелся с таким грохотом, что распугал мирно прыгающих по земле воробьев.

– Быстро, удалось даже поспать.

Машина, кряхтя и подпрыгивая на ямах, покатила по улице, я высунула руку из окна, прямо как в современных фильмах, и махала соседям. Теть Зина у колодца, местные мужики у магазина, помахала даже соседской корове Дуне, та в ответ что-то промычала, и с деловым видом продолжила жевать траву.

Вот и наш дом. Небольшой, но у каждого своя комната и один общий зал с кухней. Мама уже стояла на крыльце, а рядом с ней ведро с молоком, за соседским забором было слышно недовольное кудахтанье кур.

– Мам, только не говори, что меня ждет огород, – я нахмурилась, будто недовольна.

– А как ты хотела, доча? Это тебе не курорт, – мама обняла меня крепко-крепко, от нее пахло домашним пирогом. – Мы

по тебе скучали, – она поцеловала меня в макушку.

Я зашла в дом, обнялась с бабушкой, позвонила папе, который, как обычно, был в командировке. Но обижаться на него было не за что, он был моряком. Мама поэтому и переехала сюда, как только я родилась. Сначала ей нужна была помощь со мной, а затем и вовсе решила остаться в деревне.

Жизнь начала налаживаться. Здесь я была не «ходячим ужасом», а Варькой, которая в детстве сама козу доила.

– Слышали новость? – мама налила всем чай и отрезала по кусочку пирога, когда мы сели за стол. – К соседям внук приехал.

– Какой внук? – я с наслаждением облизывала вилку.

– Да, говорят, разгильдяй стал страшный. Приехал в белых кроссовках и костюме. Степаныч весь в печали. Парень второй день не выходит из дома, по двору не помогает, обратно в город просится.

Я хмыкнула. Белые кроссовки в деревне – это смело.

– К каким соседям? – не поняла бабушка.

– Да к Кузнецовым нашим!

«Кузнецо-овым», – протянула я в голове. Я знала их, достаточно приветливые люди, мама часто обменивалась с ними вареньем, а Степан Иванович постоянно просил у нас инструменты.

– Мам, – решила спросить и я. – А как зовут этого внука?

– Денис. Вы, кстати, ровесники. Но ты, наверное, и не помнишь его. Вы с ним всего мельком виделись, когда он с

матерью приезжал.

— Почему мельком?

— А он глупый был, постоянно в доме сидел.

Я попыталась порыться в своей памяти, вспомнить внука соседей, но там было пусто. В любом случае, мне это не особо интересно. Я собиралась отдохнуть здесь не только от города, но и от городских жителей.

Весь остаток дня я провела в своей комнате, приводила ее в порядок и разбирала чемодан. Вечером вышла во двор и посмотрела на соседский дом. Бублик преданно крутился рядом, я села на крыльцо и задумчиво погладила его по голове.

Денис, в голове почему-то всплыл образ Дениса Морозова, но я быстро отогнала это наваждение. Интересно, как этот городской будет уживаться с местным колоритом и бабой Нюрой? Надеюсь, он подружится хотя бы с комарами, а если нет, то ему придется ох как несладко.

Глава 2

Обожаю город. Здесь пахнет деньгами, возможностями, и властью, а еще – выхлопом моего БМВ, когда я уезжаю из университета. На протяжении всего учебного года я мог в любой момент сорваться с этих скучных и никому не нужных лекций туда, где меня реально ждут и развлекают: в местный клуб, например, где бармен уже знает, какой коктейль мой любимый, или в тренажерный зал, где мой персональный тренер умоляет не пропускать день ног.

Но сегодня я застрял на консультации, последний экзамен, пересдача. Профессор не захотел брать деньги, слишком правильный. Сейчас он бубнил что-то про безработицу. Сморщенный и чахлый старикан, взял бы деньги и купил подарки внукам, но нет, он оставил без подарка и их и меня.

Я смотрел в окно. На улице солнце плавило остатки моего мозга. Девушки, наконец-то, начинали выгуливать свои платья, и короткие шорты. Лето обещало быть эпичным. Отец готовился к отъезду в командировку на несколько дней, мать с ним за компанию. Хата в моем полном распоряжении. В планах нескончаемые вечеринки, и, возможно, аренда яхты в честь окончания первого курса. Кстати, об учебе, я был не против получать знания, но, делал это исключительно по необходимости, которой, увы, до сих пор не было.

– Морозов! – голос профессора вырвал меня из раздумий.

– Вас пересдача не интересует? Когда вы в последний раз брали в руки ручку?

– Буквально вчера, – лениво ответил я. – Пришлось записать номер девушки, а телефон сел.

По аудитории прошелся смехок, а одна из девушек покраснела и покосилась на меня, ведь я говорил о ней. Профессор что-то возмущенно пробормотал под нос, но промолчал. Сын главного спонсора по капитальному ремонту главного корпуса. Неприкасаемый. Я усмехнулся. Единственный минус в этом, то, что отец не лез в учебу и не угрожал увольнением преподавателям, если у меня не будет хороших оценок за экзамены.

– А сейчас разберем инфляцию издержек, – сказал Соболев, отворачиваясь к доске. – Этот вопрос был на экзамене и будет на пересдаче. – Он заскрипел мелом по доске, рисуя график. – Итак, представим, что цены на ресурсы растут...

– О, прямо как в нашем кафе на Арбате, – тихо хмыкнул я, но профессор услышал.

– Морозов, что-то вы веселы для человека, которому грозит не сдать экзамен снова. Может, выйдете сюда и покажете, что такое инфляция?

Я устало вздохнул, выходить к доске не хотелось, но просто сидеть было скучно. Я встал, демонстративно поправил золотые часы на руке, подошел к доске и взял мел.

Инфляция издержек=бесплатный труд.

Написал я крупными буквами на доске, и стряхнул остат-

ки мела с рук.

– Смотрите, профессор. Вы сейчас бесплатно объясняете мне материал, хотя могли бы брать деньги за консультацию. Ваши издержки – это ваше время, которое вы не можете потратить на семью или подработку. А инфляция – это когда вы понимаете, что через год ваша пенсия обесценится настолько, что даже эти жалкие полчаса станут для вас золотыми. Но вы всё равно будете стоять у доски и рисовать графики для таких, как я, потому что больше никто не даст вам власти, пусть даже над одним Морозовым.

В аудитории воцарилась тишина. Я смотрел на профессора и видел, как его лицо начинает багроветь, но остановиться уже не мог.

– И да, кстати, вы знали, что существует такое понятие, как «голландская болезнь»? – я продолжил, не дожидаясь ответа. – Так вот, вы, профессор, наша «голландская болезнь», потому что, пока вы здесь бубните, у студентов болит голова.

Я не сразу понял, что натворил, а когда понял, было уже поздно. Соболев медленно снял очки.

– Морозов, – буквально прошипел он на меня. – Вы сейчас же покинете аудиторию, а я звоню ректору и вашему отцу.

И он позвонил.

Вечером я сидел дома и ждал приговора. Отец вернулся на час раньше с работы. Сердце моментально упало куда-то под пол, потому что, когда родитель злился, это не заканчи-

валось ничем хорошим для меня.

Ко мне в комнату зашла мать и без слов указала, чтобы я спустился. Да, сегодня она тоже была мной недовольна.

Отец сидел в гостиной, в домашнем костюме, который можно было с легкостью надевать на деловые встречи. На журнальном столике перед ним светился открытый ноутбук. Мать села на соседнее кресло, защищать сегодня она меня не будет.

– Сядь, – скомандовал родитель.

Я сел на край дивана напротив. В комнате пахло молнией, не той, легкой, что просто пугает, а той, что ломает крыши.

– Ты совсем debil? Или просто притворяешься? – спокойно спросил отец, хотя это было страшнее крика. – Я вкладываю огромные бабки в место, в котором ты учишься, и плачу за то, что ты учишься, а ты заставляешь меня чувствовать себя идиотом, который не может справиться с поведением сына.

– Пап, я..., – я не знал, что сказать в свое оправдание. Любая попытка сейчас выглядела бы глупо, но я рискнул. – Я просто хотел пошутить.

– Просто пошутить? Знаешь, во что мне вылилась твоя шутка? Ты хоть знаешь, что этот профессор – научный руководитель сына ректора университета? Я говорил, что в твою учебу не лезу, но я отдал огромные бабки сейчас, чтобы тебя не отчислили и закрыли последний экзамен, хотя Соболев до сих пор хочет твоей смерти. И это был первый и последний

раз, когда я решаю такие вопросы.

Я молчал, хотелось пить.

– Твои карты заблокированы, все, до единой. Ключи от машины я забираю. Завтра в шесть утра за тобой заедет водитель. Поедешь к деду с бабой в деревню. Будешь жить там до сентября, без интернета, вечеринок и яхт, деньги выдам лишь на карманные расходы. Может это научит тебя думать головой, а не другим местом.

Внутри все сжалось. Это было катастрофой.

– В деревню? А если я откажусь?

– Откажешься, в завещании можешь не искать свое имя. Разговор окончен. – Он встал, с силой захлопнул ноутбук и ушел.

Я с мольбой в глазах посмотрел на мать, та лишь пожала плечами. В какую нахрен деревню меня собирались отправить? Я знал, что родители отца живут здесь, в Москве, родители матери, стоп, ее предки всегда сами приезжали к нам, хоть и редко, значит, я поеду к ним? Может, все окажется не так уж и плохо, и у них будет лакшери курорт? А как же яхта и вечеринки с друзьями и девчонками? Все это не укладывалось в голове, моя молодость тускнела на глазах, а если не поеду туда, куда сказал отец, еще и лишусь наследства, вот уж чего совсем не хотелось. Смириться с этим было непросто, потому, с этого момента это лето официально считается самым худшим в моей жизни.

Ровно в шесть утра я сидел в машине, возможно в последний раз за это лето в такой дорогой машине, чемодан со шмотками был закинут в багажник, как я думал, я взял все необходимое. Пусть это и деревня, но выглядеть я должен дорого. На мне был белый брендовый спортивный костюм и начищенные до блеска такие же белые кроссовки, которые ослепляли не хуже солнца.

Отец даже не вышел попрощаться, мать же сказала несколько ласковых слов и как ей жаль, что все так сложилось, и что будет скучать. Машина тронулась с места.

Первую часть пути ехал молча, я становился мрачнее тучи, с каждым новым километром, отделяющим меня от Москвы. Когда по времени оставался ехать где-то час, я не выдержал этой пытки, потому что вид за окном становился все ужаснее.

– Колян, – обратился я к водителю. – Как называется эта дыра, в которую мы едем? Мухосранск строгого режима?

Колян хмыкнул.

– Мокрое.

– Что мокрое? – не понял я, и стал шарить рукой по сиденью и штанам. Не хватало, чтобы еще это белое великолепие заляпалось.

– Это название деревни, – объяснил водитель.

– Ч-чего? – я заикнулся.

Колян молчал. Когда до меня дошло, я сначала подумал, что он так шутит. Но те, кто работают на моего отца в прин-

ципе шутить и врать не умеют. Мокрое? Серьезно? Это похоже, скорее, на диагноз, чем на название.

Я достал телефон и попытался загуглить, но мобильного интернета не было и в помине. Вид за окном сменился бескрайними полями, потом лесами, затем снова полями, а затем увидел табличку «Мокрое». Черт, реально существует. И дорога сразу стала неровной. Несколько минут мы катили по ней, пока не остановились у кирпичного дома с огромной трубой, торчащей из крыши.

Я вышел из машины, и мои ноги сразу утонули в пыли, я боялся даже глянуть вниз, потому что знал, что кроссовки уже не белые. Запах травы резко ударил в нос, не пыли и выхлопа, а настоящей травы, а еще... запах навоза? Я стоял перед забором и чувствовал, как жизнь угасает.

– Внучек! – услышал женский голос.

Из калитки ко мне бодро шагала бабушка, за ней дед, они крепко обняли меня, помогли достать чемодан, и я с грустью попрощался с водителем. И тут откуда-то справа с диким лаем на меня вылетело нечто лохматое, похожее на мочалку, оно мчалось прямо на меня, я машинально отшатнулся, и чуть не упал в какой-то куст.

– Бублик, ану домой! – бабушка хлопнула в ладоши прямо перед мордой собаки, та на удивление замерла, склонила голову на бок, высунула язык, а затем развернулась и трусцой побежала в открытую соседскую калитку.

– Соседский пес, – пояснил дед. – Еще подружитесь.

– Не сомневаюсь, – буркнул я, и поплелся за предками в дом.

Глава 3

Два дня. Два чертовых дня я прожил без интернета. В первый день я просто делал вид, что мне плохо буквально от всего: от местной еды, ведь я привык к другой пище, к более цивилизованной, а не к жареной картошке с котлетами, делал вид, что плохо от запахов, когда один раз вышел на улицу и почуял пьянящий аромат навоза, и тут же забежал обратно, делал вид, что у меня болит спина после кровати, хотя, стоит признать, матрас был удобным, в общем, старался надавить на жалость, чтоб дед с бабой сами отправили меня домой, но они были непреклонны. Но это все мелочи по сравнению с тем, что у них дома отсутствовал вай-фай! Здесь даже мобильный интернет не хотел подавать признаки жизни!

Это было не просто скукой, я застрял где-то между динозаврами и первобытными людьми. Я начал забывать, как выглядит лента инстаграм¹. По ночам мне снились уведомления, я просыпался в холодном поту от того, что мне приснился звук входящего сообщения.

Дед с бабушкой жили так, будто на дворе совсем не двадцать первый век. У них в доме стояла печь, самая настоящая печь. Вы когда-нибудь видели печь? Я вот впервые увидел, и сразу сфотографировал этот музейный экспонат для

¹ «Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ».

потомков, а потом обшарил весь дом в поисках чего-то похожего на роутер, а в итоге нашел радио, которое слушала бабушка. Можно было смотреть телевизор, но я не фанат погоды и кулинарных каналов, а другого там не показывали.

– Ба, как вы можете жить без интернета?

– Так какой нам этот интернет, у нас вон Нюрка местные новости все знает.

Но я не хотел узнавать местные новости от бабы Нюры, я хотел проверить, не сдох ли мой аккаунт в запрещенной сети, и не забыли ли меня друзья. Я уже представлял, как Леха выкладывает фотографии и сторис с яхты.

Поэтому на третий день я сдался, надел свои несчастные белые кроссовки, которые уже приобрели благородный пыльный оттенок, и вышел из дома в надежде найти заветные хотя бы две палочки сети.

– Бублик, ану отдай! – раздался девичий голос.

Я посмотрел в том направлении, сквозь подобие чего-то под названием забор, и замер.

С противоположной стороны соседского забора стояла девушка, она вытирала руки о футболку, волосы были распущены, и спадали на плечи светлыми прядями. Она улыбалась, глядя куда-то себе под ноги, на того самого пса, который чуть не сожрал меня два дня назад. Я на секунду замер, и забыл, зачем вообще вышел.

Она повернула голову в мою сторону, улыбка медленно сползла с ее лица. И тут я узнал ее. Та самая серая мышь с

английского, которая была похожа на ходячую распродажу вещей с секунд-хенда.

— Твою ж... — выдохнул я.

Она кивнула, кажется, ее звали Варя, а затем развернулась и пошла к своему дому, а лохматое нечто по кличке Бублик пару раз гавкнул на меня и побежал за хозяйкой.

Я стоял, как в голову ударенный, и не знал, что меня бесило больше: то, что я оказался здесь, отсутствие вай-фая, или то, что эта Варя, которая была сейчас без очков, оказалась единственным привлекательным объектом в округе.

Я помахал рукой перед лицом, приходя в себя, вспоминая, зачем вообще вышел из укрытия, и направился на поиски интернета.

Деревня «Мокрое» встретила меня подозрительно. Точнее, каждая уважающая себя бабка, которая сидела на лавочке провожала меня как конвоир — пристально и молча. Чувствовал себя шпионом, которого раскрыли.

Я шел по улице, вытянув руку наверх, как статуя Свободы. Экран, на удивление показывал список сетей, но все они были с замочком. Закрытые и недоступные. Я пробовал писать стандартные пароли, но все было впустую.

Одна бабка, сидящая на лавке, долго смотрела на меня, а затем выдала:

— Ты чего руку-то задрал? Птицы нагадят, — сказала она.

— Я ищу вай-фай, — ответил я, и опустил уже порядком онемевшую руку.

Я прошел мимо дома с деревянными окнами, сигнала – ноль, мимо дома с просевшим забором – ноль, мимо магазина под названием «Продукты», и телефон завибрировал. Я чуть не завизжал от счастья, открытая сеть. Нажал «Подключиться». Телефон начал думать, а затем выдал «Подключение невозможно. Сеть недоступна».

Я выругался матом так громко, что гуси у соседнего дома разбежались в разные стороны.

Уже с безнадежно опущенными руками, я поплелся обратно домой.

Проходя мимо Вариного забора, я на секунду остановился и присмотрелся.

Варвара сидела на крыльце дома и что-то смотрела в планшете. У нее был планшет! Работающая современная техника, картинка, с движущимся текстом.

Я подошел ближе к забору. Охранная система под названием Бублик тут же принялся тафкать. Я не выдержал.

– Фу! – сказал я самым грубым голосом, на который только был способен.

Бублик лишь лениво зевнул, и повернулся ко мне задом, задрав хвост.

– Варя! – позвал я.

Она подняла глаза. Сейчас на ней был простой голубой сарафан, и волосы уже собраны в хвост, из которого выбивались пряди. Выглядела она сейчас какой-то домашней.

– Чего тебе, Денис? – спросила без особого интереса.

Так, имя мое знает, уже хорошо.

– У тебя интернет есть?

– Есть.

– Дай пароль.

Она отложила планшет в сторону и посмотрела на меня таким взглядом, будто я был нашкодившим котенком.

– С чего бы мне тебе пароль давать?

– В смысле? – не понял я. Обычно, девушки выполняли все мои просьбы сразу. – Тебе жалко, что ли? Или заплатить надо? – я полез в карман, но там обнаружилась лишь тысяча. Я протянул ее ей. – Первоначальный взнос за аренду, остальное – потом.

– Серьезно? Деньги? – она усмехнулась. – Ты же в деревне, а здесь другие ценности.

– Какие еще нахрен ценности? Что вообще может быть ценнее денег? – я начинал злиться. – Тебе картошки надо?

– Нет, всего лишь... – она немного подумала, – воды, – и кивнула в направлении реки. – Принесешь ведро воды из реки, тогда дам пароль.

Я посмотрел на нее, потом повернулся и посмотрел на реку, которая блестела почти в конце улицы, потом снова на нее.

– Это что, приколы такие? Где подвох? У тебя вон колодец во дворе, и в доме вода есть.

– Хочу речной, – она пожала плечами. – Цветы полить надо, или Бублику, тебе-то какое дело? Будет вода – дам па-

роль.

Я хотел что-то возразить, нагрубить, сказать, что я не носильщик, что не собираюсь таскать ведра с водой, и пусть она идет лесом со своей речной водой, но ее взгляд, в нем не было злобы, скорее, веселый интерес, будто она спрашивала меня, смогу ли я, городской, осилить эту задачу. Я понимал, что если откажусь, она будет смотреть на меня как на беспомощного, и это почему-то задело. Видимо, тренировки в зале оказались нужны не только для красивого тела.

– Давай ведро.

Варя улыбнулась, и я про себя отметил, что улыбка у нее красивая, нежная, с легкими ямочками. Она открыла калитку и кивнула на сарай.

– Вон, и поторопись, пароль меняется каждый час.

Не очень смешная шутка. Я схватил ведро и пошел к реке.

Идти было недалеко, я уж подумал, что плевое дело носить ведра. Но когда обратно я шел с полным ведром воды, это недалеко превратилось в ад. Во-первых, невзирая на то, что было лето, и солнце нещадно палило, вода оказалась холодной, во-вторых, она постоянно выплескивалась мне на кроссовки, на мои бело-серые кроссовки, в третьих – ручка, она была железной, и впивалась в ладонь. Буквально через двадцать шагов я начал материться сквозь зубы.

Местные бабки, сидевшие на лавочках, снова провожали меня взглядами, но уже сочувствующими.

– Сынок, ты бы коромысло взял, так сподручней будет, –

на полном серьезе сказала одна из них.

– Спасибо, я сам, – скрипнул зубами, меняя руки.

Когда я доплелся до Вариного дома, пот лил с меня семью ручьями, ладони горели, а настроение было хуже, чем в тот день, когда меня привезли сюда. Но я не мог ударить в грязь лицом, выпрямился, и с гордым видом поставил ведро перед Варей.

– Вот, – выдохнул. – Пароль!

Варя набрала воды в ладони и выпила.

– Хорошая вода, от жары самое то. Попробуй.

– Пароль, – закипал я.

Она посмотрела на меня.

– Ты правда думал, что мне нужна вода для цветов или для Бублика?

– А для чего еще?

Она сделала шаг навстречу, от нее пахло цветами и травами, а еще чем-то сладким.

– Я лишь хотела показать тебе, что деньги не всегда важны. И иногда нужно просто что-то сделать для другого человека, даже если это кажется глупым.

Я смотрел на нее и не мог поверить, она послала меня за водой просто так, обвела меня вокруг пальца, использовала.

Варя взяла планшет и показала мне экран.

– Пароль «Bublik2024». Только скорость небольшая, и бабушка после десяти вечера выключает вай-фай из розетки, потому что так безопаснее, – она подняла указательный па-

лец вверх.

Я стоял, как идиот, с мокрыми ногами и странным чувством внутри. Кажется, только что я получил свой самый наглядный урок в жизни.

– Спасибо, – выдавил я через силу. Это слово всегда давалось с трудом.

– Не за что, городской, – она взяла ведро, будто оно было пустое, и пошла наливать воду Бублику, а затем скрылась в доме.

Я остался стоять на улице с телефоном, на экране которого высветилось слово «Подключено».

Глава 4

Пароль сработал.

Честное слово, когда на экране моего телефона замаячили две полосы, я был готов расцеловать даже Бублика. Две полосы, всего две, но они были, связь с современным миром успешно установлена.

Я устроился на своем крыльце, предварительно смахнув с него какого-то жука, похожего на танк с рогами, и открыл инстаграм¹. Лента загружалась мучительно долгие сорок секунд, но, когда загрузилась, о, это был восторг. Я увидел огни города, машины, и людей в нормальной одежде. Листал и чувствовал, как моя душа рождается заново.

В сообщениях мигала какая-то нереальная цифра, я полез туда, писал Леха, Костя и какие-то девчонки.

Я быстро пролистал, друзья писали:

«Ты где?»

«Реально батя в ссылку отправил?»

«Мы здесь на яхте, ты чего молчишь?»

Надо было как-то обозначить свое существование. Я вспомнил про печь, которую сфотографировал для потомков. Открыл галерею, нашел фотку: белый кирпич, чугунная дверца, стоящая рядом кочерга. Выглядело так, будто я по-

² «Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ».

пал на съемки какого-то фильма.

Недолго думая, я выложил фото с подписью: «Одно из чудес света. Кто угадает, получит пожизненный запас деревенского счастья».

Первую минуту была тишина, я даже успел зайти в дом и попить воды, но потом случилась лавина из лайков и комментариев.

Леха: «Это че, печь?»

Костя: «Та, в которой дрова жгут?»

Алена (одногоруппница): «Ты где ее нашел?»

Катя (бывшая): «Выглядит жутковато. А все потому, что ты расстался со мной!»

Я закатил глаза.

Антон (не очень приятный тип): «Ты реально в деревню свалил? Я знал, что ты допрыгаешься».

Затем прилетело сообщение от Лехи в личку: «Сочувствую, бро, держись. Там хоть девушки есть?»

Я хмыкнул и написал ответ: «Есть одна, но она считает меня идиотом и заставляет таскать воду из реки». В ответ прилетел смеющийся смайлик.

Я выложил еще пару фоток: закат, который набрал больше лайков, чем мои фото из клубов, кучу навоза, с подписью «Спа-курорт у деда», и нос Бублика, торчащий из забора. Деревенский контент, оказывается, неплохо залетает, кто бы мог подумать.

Но настоящая находка ждала меня не здесь.

Я открыл ВКонтакте. Зашел в поиск, вбил имя Варвара. Фамилию я не помнил, поэтому просто поставил всю информацию, которую о ней знал. Пролистал десятки, пока не наткнулся на знакомое лицо и тот самый голубой сарафан. Она.

Страница была необычной. Не было никаких селфи с губами-уточками, никаких ванильных статусов. В основном – сохраненные статьи по биологии, смешные картинки с котами, и рецепты.

Я полез исследовать дальше, несколько групп, среди которых одна привлекла мое внимание. Группа с названием «Мокрое. Жизнь вне города». Это было ее творение. Я нажал, внутри – около трехсот подписчиков, недурно, постов за последний год было всего лишь несколько, а два новых были выложены совсем недавно. В основном это были фотографии: утренние туманы над рекой, роса на траве, смешная курица с растопыренными крыльями, кошка, спящая на лавочке, местные бабульки, с подписью: «Главные смотрители деревни».

И она сама. Фотографий было немного, но все они были завораживающими. Вот Варя стоит по колено в реке и смеется, глядя куда-то вдаль, вот она в поле, рядом с коровой, на рогах которой красуется венок из колосков, третья, видимо с ее бабушкой на лавочке возле дома.

Я залип, вот серьезно, залип. Это не были постановочные фото из студий, снятые на профессиональную камеру, с идеальным светом и образом, это была живая, теплая красота.

Я сохранил себе ту фотографию, где она в реке, так, чисто для истории.

Внезапно, лента перестала загружаться, исчез значок вай-фая. Я посмотрел на время – десять вечера. Бабушка Вари, святая женщина, выдернула шнур из розетки ровно в обозначенный час. Я поднялся домой, там было тихо, только дед храпел под какое-то кулинарное шоу в гостиной.

Я тихонько проскользнул к себе в комнату, лег на кровать, уставился в потолок, и почему-то улыбнулся. Деревня, Бублик, вай-фай, который отключается по времени, и девушка, которая заставляет тягать воду из реки просто так, все это было дико неудобно, но почему-то забавно.

Меня разбудил крик.

Нет, не так. Меня **ВЫДЕРНУЛ** из сна дикий вопль существа, которого не должно существовать в природе.

– КУ-КА-РЕ-КУУУ!

Я подскочил на кровати, больно ударившись головой о низко висевшую полку. Сердце отдавало бешеным стуком. Я глянул, за окном было светло, солнце только вставало, и осознал, что забыл закрыть окно на ночь! На настенных часах было пять утра. Пять, мать его утра! В городе в это время только спать ложились.

Я застонал, уронил голову обратно на подушку, в надежде досмотреть сон, в котором я пью коктейль, но красногребешковый петух, эта пернатая сволочь, решил, что одного

раза мало.

– КУ-КА-РЕ-КУУУ!

– Закройся! – проорал я.

На секунду все стихло, а потом я услышал какой-то шум падающего ведра, хлопанье крыльев и кудкудахтанье, а потом...

В мое открытое окно на полной скорости влетело нечто рыжее, пернатое и истеричное. Курица. Живая. Она пролетела над моей кроватью, обронив попутно пару перьев, ударилась о стенку, шлепнулась на пол, и продолжила носиться по комнате с дикими воплями.

За ней в окне показался сначала красный гребень, а затем и голова петуха. Он глянул на меня злобным взглядом, гадко что-то сказал на петушином, и, видимо, решил не продолжать погоню в помещении.

Но курица продолжала метаться по комнате. Она запрыгнула на стол, сбив лампу, наступила на, слава богу, закрытый ноутбук, и, кажется, собралась нести яйца прямо на моем чемодане.

– АААА! – заорал я, вскакивая с постели в одних боксерах. – Пошла вон отсюда!

Я схватил первое, что попало под руку – подушку – и начал размахивать ей, в надежде выкурить курицу из моего помещения в окно. Я орал, курица орала, петух снаружи кудахтал, и, клянусь богом, я слышал тяфкать Бублика. Полный хаос.

Наконец, после нескольких акробатических пируэтов, курица вылетела обратно в окно, потеряв на подоконнике еще одно перо. Я судорожно выдохнул. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, я откашливался, потому что казалось, что перья попали мне в рот, стоял посреди комнаты со взъерошенными волосами, в которых, судя по всему, застряло еще одно перо, и пытался осознать, что вообще только что произошло.

И тут я услышал смех. Медленно повернул голову. Через забор, с соседского двора на меня смотрела Варя, в руках у нее была миска с чем-то странным, видимо, для Бублика. Пес сидел рядом и тоже пялился на меня.

Она смотрела на меня, на мой обнаженный вид, я видел, как ее глаза немного расширились от удивления, и на секунду забыл о курице.

Ну давай, Морозов, ты же в курсе, что у тебя отличная фигура. Зал три раза в неделю с персональным тренером, питание строго по графику, пусть любитесь.

Я медленно с достоинством расправил плечи, провел рукой по волосам, смахивая перо, надеюсь, это выглядело не как нервный тик, облокотился на подоконник, напрягая мышцы, чтобы они казались рельефней, и улыбнулся своей самой обворожительной улыбкой, от которой таяли девушки.

– Доброе утро, – сказал ласково. – Нравится?

Она перестала смеяться, сделав взгляд серьезным, по-

смотрела сначала на мои плечи, потом снова на меня, и сказала ровным голосом:

– У тебя помет на плече.

Я перевел взгляд с одного плеча на другое. Твою мать, так и было, на правом плече красовалась бело-зеленая жижа. Мое лицо превратилось в кислый лимон, я закрыл пальцами нос.

Варя прыснула, сначала тихо, потом все громче и громче, и уже через секунду хохотала в голос, а ей подгавкивал Бублик, поддерживая хозяйку.

Я стоял с голым торсом, помеченный курицей, и понимал, что все, что я строил из себя всю жизнь, рухнуло в один момент, в глазах единственной девушки, которая меня могла интересоваться в этой дыре.

– Нет, Денис! – крикнула Варя. – Такое даже водой из реки не отмыть, приходи ко мне, дам хозяйственное мыло, реальная вещь.

И ушла, все еще посмеиваясь.

Я закрыл окно, сполз по стене на пол, рядом валялось куриное перо. Надо будет поставить в рамочку, как напоминание о первом позоре.

Ненавижу деревню.

Вру. Уже не совсем.

Глава 5

После утреннего инцидента с курицей я твердо решил не выходить из дома, даже если начнется апокалипсис. Я отмылся ледяной водой, сменил трусы, привел в порядок волосы, и вернулся в комнату с намерением весь день пролистать ленту и забыться.

Но у моего деда были другие планы.

В девять утра дверь распахнулась без стука, и на пороге возник дед Степан. В руках он держал лопату, и не просто там какую-то садовую из супермаркета, а самую настоящую, с боевым штыком, видимо, для охоты на большого зверя, и с отполированным до блеска черенком.

– Внук, – сказал он тоном, который не предвещал ничего приятного. – Сегодня картошку окучиваем на общем поле за рекой. Собирайся, хватит бока пролеживать.

– Дед, я не умею окучивать. Я даже не знаю, что это за слово такое, и из какого оно словаря.

– Ничего, по ходу дела научишься, все наши будут там, Кузнецовы тоже должны. Не позорь фамилию.

Я хотел было возразить, сказать, что моя фамилия не Кузнецов, и что она ассоциируется не с картошкой, а с элитными высотками в городе, но дед уже вышел, оставив лопату на входе, которую я долго сверлил взглядом.

Ладно, этот день обещает быть веселым. В конце концов, я

спортсмен, с картошкой то я справлюсь, это не железо тягать. Пара взмахов лопатой, и свободен.

Я надел свой лучший спортивный костюм. Синий, с белыми лампасами, из ограниченной коллекции, он стоил, как месячная зарплата моего персонального тренера, но сейчас это было не важно. Важно было показать, что такое стиль, даже на картошке.

Только кроссовки я уже выбрал не первой свежести, и не белого цвета, прогресс.

Я собирался и чувствовал себя рыцарем, который идет завоевывать новые территории, в данном случае – поле с картошкой. С лопатой на плече я вышел из дома и двинулся в сторону реки. Баба Нюра, про которую я уже наслушался от бабушки, сидела на лавочке. Проходя мимо, я вежливо кивнул в знак приветствия.

– Дениска, ты бы хоть кепку надел! Солнце-то печет! Шандарахнет в голову.

Да уж, словечки она подбирать умеет.

– Спасибо, обязательно, – ответил, чтобы она успокоилась. Никакую кепку я, конечно же, надевать не собирался.

Сейчас самое главное – это найти поле. Река, оно должно было быть за рекой, вплавь врятли туда добираются, а значит, должно быть что-то наподобие моста. Когда в прошлый раз я ходил к реке там был просто спуск, поэтому я решил идти просто вдоль воды.

Я шел, но ничего не менялось, не было даже намека на

что-то похожее на мост, а потом и вовсе я уперся в заросли. Дорога раздваивалась. Налево – какие-то старые сараи, направо – тропинка в кусты. Я выбрал направо. Через пять минут тропинка привела меня к покосившемуся нужнику, очень приятно. Я развернулся, дошел до начала пути и пошел налево. Сараи кончились, начался луг с высокой травой, недалеко блестела река, но моста так и не было видно.

Я решил испытать удачу и достал телефон. Навигатор показывал лишь то, что я нахожусь в деревне «Мокрое». Спасибо, кеп, очень информативно.

– Заблудился, городской?

Я обернулся, откуда-то из-за кустов выпрыгнул мальчишка лет десяти, с удочкой на плече. Видимо, мое появление здесь вызвало некий фурор, если даже мальчишки знали, что я городской.

– Не знаешь, где мост через реку?

– А вон, за ветлами, – махнул он рукой. – Только там вчера трактор все перекопал, тебе в этих тапках трудно будет пройти.

Я посмотрел на свои кроссовки, потом на пацана. Хоть они и были из старых новинок, но еще не потеряли своей актуальности.

– Это не тапки, а лимитированная коллекция.

Пацан пожал плечами, и что-то напевая себе под нос, пошел дальше.

Мост оказался не мостом в моем понимании. Это были

просто три широких бревна перекинутых через реку, с прибитыми по бокам досками. Выглядела вся эта конструкция не очень надежно. Я уже прикидывал, какая глубина в этой реке, и далеко ли унесет меня течение. Первый шаг был самым опасным, я несколько раз пнул бревно, все в порядке, оно никуда не делось. Собравшись с духом, я принял этот квест, и пошел по мосту, балансируя лопатой, как канатоходец шестом, и дал себе клятву, что останусь жить на этом поле, разобью лагерь, и буду питаться картошкой.

Поле открылось внезапно. Огромное, бескрайнее, уходящее куда-то к лесу. На нем были ровные ряды зеленой ботвы, а между ними сгорбленные фигуры людей. Человек десять от силы, в основном взрослые мужчины и женщины, но была и парочка молодых.

И среди них, была она.

Варя стояла в дальнем ряду, спиной ко мне, но я узнал ее по волосам. На ней был короткий топ, открывающий плечи, спину и линию рельефного живота. Она легко орудовала лопатой. Ее мышцы двигались плавно, блестя на солнце от влаги, и это было завораживающе.

Я подошел ближе, стараясь не пялиться так откровенно.

– О, городской явился, – усмехнулся кто-то из мужиков.
– Каким концом копать то хоть знаешь?

– Знаю, – ответил я, и стал на свободный ряд.

Варя обернулась, посмотрела на меня с неким удивлением и весельем.

– Ты реально пришел, – сказала.

– Дед попросил, да и делать все равно нечего, – я покосился на свою лопату. – Поможешь? Я никогда раньше не имел дело с картошкой.

Оно отложила тятку, подошла ближе. От нее пахло землей и все так же чем-то сладким.

– Смотри, – она взяла мою лопату и стала рядом. – Вот так подводишь под куст, поднимаешь землю и окучиваешь. Главное – не повредить стебли, и спину держи ровно, а то завтра не встанешь.

Я взял лопату и сделал первую неуклюжую попытку повторить. Варина рука легла на мою, поправляя хватку. Пальцы у нее были теплыми и, на удивление, сильными. Я вздрогнул, она, кажется, тоже. На секунду мы замерли, глядя друг на друга, она отстранилась первой.

– Понял?

– Понял, – соврал я. Я понял лишь только то, что у нее глаза цвета той холодной реки.

Я начал действовать. Первые десять минут все шло даже относительно нормально, я даже приободрился. Старался повторять за Варей, которая работала по соседству. Лопата втыкалась в землю с противным скрежетом, земля летела в разные стороны, я даже немного увлекся и чуть не срубил все под корень, но Варя вовремя поправила.

Но я не учел один момент, то, что сейчас было лето! Солнце поднималось все выше, начиная не греть, а буквально жа-

рить. Вскоре мой дорогой спортивный костюм, который был предназначен для утренних пробежек и походов в зал с кондиционером, стал моей персональной сауной. Я мог бы раздеться, снять футболку, но местные бабульки меня бы не поняли. Пот начал заливать глаза, голову пекло так, что можно было жарить яйца, а ладони горели от лопаты.

Через час мучений я сдался, воткнул лопату в землю, отошел подальше от работающих, и рухнул на траву, раскинув руки в стороны.

– Все, – прохрипел я. – Я умер, передай моим кроссовкам, что я их любил.

Варя перестала работать и посмотрела на меня, потом усмехнулась, подошла и села рядом, протянув мне бутылку с водой. Я жадно припал к горлышку. Клянусь богом, это была самая вкусная вода, которую я когда-либо пил: прохладная, мягкая, живая.

– Тяжело? – спросила Варя.

– Издеваешься? У меня сейчас руки отвалятся, – я посмотрел на свои ладони, на которых уже начинали виднеться мозоли. – Тренажерка по сравнению с вашей картошкой просто детский сад.

Варя засмеялась. Легкий ветер тронул ее волосы, выбивая пряди из хвоста, несколько прилипло к влажному лбу. Она сидела, подобрав ноги и обхватив их руками. Солнце подсвечивало ее загорелую кожу, делая ее почти светящейся.

Я смотрел и понимал, что не могу отвести взгляд. Этот

короткий топ, шорты, чуть выше колен, открытые плечи, талия. У нее было красивое тело. Интересно, она сама знала об этом? И все это без спортзалов и всякой пластики, естественная красота. Девушка, которая ведра полные воды поднимает, будто они ничего не весят, окучивает картошку, и я уверен, что она и дрова колоть умеет.

Мне вдруг захотелось узнать больше о том, какая она, а может, это просто из-за того, что мы здесь практически единственная молодежь?

– Что? – она заметила мой взгляд. – У меня что-то на лице?

– Нет, – я мотнул головой. – Просто ты здесь, другая.

– Другая? И какая я в городе?

– Серая мышь, – вырвалось быстрее, чем успел подумать.

– Блин, прости, я не хотел...

– Все нормально, – она как-то грустно улыбнулась. – Так и есть, в городе я другая, а здесь, здесь я просто дома, мне не надо притворяться.

– Но, ты же учишься в городе, зачем тогда?

– «Без высшего образования – никуда», – так всегда повторяет моя мама. И я это понимаю: город открывает все пути, даёт шанс выбиться в люди. Наверное, моё будущее действительно будет связано с ним. Но ты только посмотри вокруг: на эти поля, на эту зелень, на реку, журчание которой можно слушать бесконечно. Разве можно сравнить бетонные коробки с такой живой красотой? Здесь даже люди другие –

не такие, как там. Может быть, если присмотреться, ты сам увидишь: здесь совсем не так плохо, как кажется.

Она встала, отряхнула шорты от травы и потянулась. Солнце обрисовало ее силуэт, и у меня перехватило дыхание.

– Ладно, отдыхай, а мне нужно закончить, но если надумаешь помочь – я только за, если нет – тоже не страшно, ты уже и так сделал больше, чем я ожидала.

Варя взяла тяпку и пошла обратно, я смотрел на то, как двигаются ее бедра, как стекает капелька пота по мышцам спины, как она легко, без видимых усилий снова принялась за работу.

Я глянул на свою лопату, и мне вдруг захотелось сделать что-то не ради славы, или не ради того, чтобы заплатили, а просто, чтобы эта девушка посмотрела на меня как на парня. Она первая на моем пути, кто не проявляла ко мне интерес, а вот мой в ее сторону, кажется, усиливался.

Я встал, взял лопату, и, преодолевая боль в спине и ладонях, вернулся к своему ряду, однако через полчаса все-таки окончательно умер, но Варя улыбнулась мне, и, черт побери, это была красивая улыбка.

Глава 6

Утром я проснулся с ощущением того, что меня вчера переехал трактор, огромный такой трактор, трактор убийца из фильмов ужасов. Я попытался сесть на кровати и застонал, спина болела так, будто ее плавил изнутри. Каждая мышца, даже те, о которых я не знал, вопили от обиды. «Что ты с нами сделал, хозяин? Мы думали, максимум – это жим лежа, а ты нас на картошку послал.»

Я сполз с кровати, и, согнувшись, как дед поплелся в ванную. Включил холодную воду, она немного привела в чувство. В зеркало на меня смотрело уставшее лицо деревенского парня, а не богатого городского. Вчера, все-таки, на последнем издыхании, я еще героически окучил полряда, после чего Варя сказала, что с меня хватит. И я был рад впервые послушаться девушку.

Радовало только одно, у меня теперь был интернет, а значит – связь с внешним миром. Дед сказал, что сегодня сложных заданий не будет, и пока могу расслабиться. Я вернулся в комнату и рухнул на кровать. Позже пришла бабушка и намазала спину какой-то вонючей мазью, во имя спасения утопающих, пришлось терпеть этот запах.

Пролистав все новости ВКонтакте, я открыл инстаграм^{1 3}.

³ «Instagram, Facebook и Meta принадлежат компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ».

Сначала не понял. Просто смотрел на цифру уведомлений и тупо моргал. Потом протер глаза и посмотрел снова. Цифра не исчезла. Плюс сто подписчиков за ночь. Чего?!

Я пролистал комментарии под вчерашним постом с козой Маней, который сделал на скорую руку, перед тем как пойти на поле. Люди писали: «Давай еще контента, деревенский мажор!», «Когда покажешь новую достопримечательность?», «Чел, а ты точно городской?». Какая-то девушка написала: «Ты в какой деревне, красавчик?». Еще одна: «А коза свободна? Шучу, меня интересует ее хозяин».

Мой блог, который раньше был стерильным сборищем фотографий из клубов, тренажерки и яхт, внезапно ожил, заиграл новыми красками. Оказывается, деревенский контент не просто залетал, людям было дико интересно наблюдать за тем, как их городской мучается и справляется с новыми условиями жизни. Кто бы мог подумать.

Я набрал новый пост: «Спина болит так, будто я всю ночь разгружал вагоны с цементом. Деревенские люди, если вы здесь есть, как вы справляетесь с этим?». Следом прикрепил свое селфи со страдальческим, но прекрасным лицом на фоне подушки. Отправил, посыпались лайки.

Я улыбнулся, подошел, чтобы открыть окно, и замер.

Соседний двор. Крыльцо Вариного дома. Она как раз вышла. Босиком, в легком белом платье до колен – простом, то ли в цветочек, то ли в горошек, с расстояния не понять. Волосы распущены и слегка спутаны. Она подняла руки вверх,

потягиваясь всем телом, и на секунду замерла, поворачиваясь к солнцу.

Я не думал, честно, рука сама потянулась за телефоном. Камера, зум, щелчок. Она не услышала, хотя, мне казалось, что звук был оглушительным.

Глянул на экран, на нем застыла девушка на фоне кирпичного дома, руки подняты к небу, в платье, облегающем фигуру. Лица не было видно, только светлые волосы и линию подбородка. Это было красиво, будто кадр из кино.

Второй раз за минуту, я не успел подумать, и опубликовал фото с подписью: «Теперь я, кажется, начинаю понимать красоту здешних мест».

Через несколько секунд начался ад.

Леха: «Братан, это кто? Я думал, ты там страдаешь.»

Антон: «Прекрасная незнакомка. Познакомишь с ней?»

«Обойдешься», – огрызнулся про себя.

Какая-то девушка: «Кто это? Ты обещал, что летом со мной будешь тусить.»

Саня: «Ты влюбился, что ли? Неплохо устроился»

Я листал комментарии и чувствовал, как горят уши. Я не имел права выкладывать ее фото, это вторжение в личное пространство, но лица ведь не видно, никто не поймет, что это Варя. И все же, мне было немного стыдно, и одновременно с этим проснулось какое-то собственническое чувство, что я могу видеть такую красоту каждый день.

Я уже собирался поступить правильно и удалить пост, как

в дверь постучали, вошел дед.

– Внук, все, время для отдыха закончилось.

– Дед, у меня спина отваливается, – захныкал я. – Мне нужен покой и желательно массаж.

– Массаж тебе Нюрка сделает, если попросишь, а пока иди в курятник, нужно яйца собрать. Спине твоей ничего не будет, здоровый парень.

– Может, лучше доставку заказать?

Дед посмотрел на меня как на полоумного.

– Ладно, понял, – я сел на кровати, игнорируя спину, но на всякий случай еще раз переспросил. – В курятник? И там петух будет?

– Петух, Денис, он для порядка, ты его не трогай и он не будет, а бабка наша без яиц останется.

Я вспомнил красногребешковую морду, когда этот Петро, да, так звали этого петуха, загнал курицу мне в окно. Но после подвига на поле, я не мог отказать деду, потому что, после моего боевого крещения на картошке, он стал смотреть на меня с уважением, не то, что в первые дни моего пребывания здесь.

– Ладно, давай корзину, или во что там яйца собирать принято?

Я надел свои джоггеры, футболку, с фирменным логотипом, яйца ведь собирать, не навоз кидать, каковы шансы, что я испачкаюсь? и поплелся за дедом для получения рабочего инвентаря. Дед выдал мне плетеную корзинку, и со словами

«не разбей» удалился по своим делам.

Курятник находился со стороны моей комнаты, за каким-то сараем. Это было небольшое деревянное сооружение, с сетчатым ограждением, где в пыли вошкалились курицы, а на входе, на небольшом навесе сидел ОН.

Петро.

Никогда не видел таких огромных петухов, хотя, может они все такие, Петро стал первым петухом, с которым мне довелось встретиться. Его красный гребень был похож на зубчатую корону, а его наглые желтые глаза смотрели на меня с презрением, я так и читал в них: «Не лезь, городской, убьет».

– Я только за яйцами, пришел с миром.

Петух отвернулся, давая мне право на сбор белкового продукта.

Я осторожно открыл дверцы и зашел внутрь, первый этап был успешно пройден. В курятнике пахло...курами и сеном. Вдоль стен стояли ящики с соломой – гнезда. В некоторых лежали яйца, в некоторых сидели курицы. Я начал аккуратно собирать их, складывая в корзину, чувствуя себя охотником за сокровищами.

Я набрал уже с десятков, и успокоился, как снаружи услышал громкое «Ку-ка-ре-ку!». Петух, видимо, решил, что мое время истекло, и пора бы и место свое знать.

Я выглянул, если дойдет до драки, то в окружении стен сбегать сложнее. Петро стоял прямо напротив входа, распу-

шив перья, и смотрел прямо на меня.

– Слушай, петушара, – пора было перестать его бояться. – Ты всего лишь птица с завышенным чувством собственной важности. Я на тебя так сейчас посмотрю, что ты сам яйцо снесешь.

Я полностью вышел из курятника, расправил плечи, чтобы казаться больше и устрашающе, спина болела, но я терпел, и сделал шаг к петуху, делая взгляд как можно пугающим.

Петух наклонил голову набок, и с петушиным ором бросился на меня, признаюсь, так меня еще никто не оскорблял.

Это было как в боевиках, только вместо злых парней была пернатая тварь, весом килограмм пять, с острым клювом и шпорами на лапах. Петух подпрыгнул, замахал крыльями, и попытался клюнуть меня в ногу. Я взвизгнул, признаю, позорно, как девчонка, и рванул к калитке, прижимая корзину к груди, сокровище должно было уцелеть даже ценой моей жизни. Петро рванул за мной, я слышал его воинственные крики за спиной, от этого становилось еще страшнее.

Я вылетел за пределы курятника, захлопнул калитку перед самым его клювом, и так и остался стоять, облокотившись на нее рукой и тяжело дыша. Проверил яйца, одно все-таки треснуло.

– Твою ж... – выдохнул.

– Денис? – раздался голос с другой стороны забора.

Я поднял глаза. Варя стояла, облокотившись на забор, и

смотрела сквозь промежутки в нем на меня с выражением лица, которое я назвал бы «смесь жалости, восторга и веселья». На ней уже были джинсовые шорты и простая футболка, хотя я предпочел бы короткий топ, и волосы, собранные в хвост.

– Ты как? – спросила она. Я видел, что ей тяжело сдерживать улыбку.

– Бывало лучше. Просто небольшие разногласия с местной фауной.

– Я видела. Ты хотел пригрозить Петро и уйти невредимым?

– Ну да, думал, сработает.

– Этому петуху вообще мало кто нравится, а ты еще и городской, но если ты сумеешь побороть этот оборзевший клюв, признаюсь, будешь героем всей деревни.

– И как мне его побороть? – спросил я обреченно.

– Ну, для начала смени одежду. На более...более дешевую. Возьми у деда старую рубашку, например, так будешь больше смахивать на своего.

Она улыбнулась, и в ее глазах заплясали веселые чертики.

– Кстати, – добавила она, чуть понизив голос. – Соседка по общежитию прислала мне скрин с твоим утренним постом.

Я замер. Она говорила про пост с ее силуэтом, черт, и откуда взялась эта соседка.

– Я это, случайно вышло, – забормотал я. – Просто кадр

был красивый, рука сама потянулась, блин, я просто...

– Я не боюсь, когда люди смотрят на фотографии, – перебила она, – но только на те, которые захочу опубликовать сама, поэтому, удали пост, пожалуйста.

Я кивнул, добавить было нечего. Молча, при ней удалил пост. Еще пару секунд смотрел на ленту, где только что красовался ее силуэт, и чувствовал себя последним идиотом. Не потому, что выложил, а потому, что не спросил. Она ведь не разозлилась, а просто попросила, без крика.

Варя ушла, по дороге потрепав Бублика, а я остался стоять с корзиной в руках, с одним разбитым яйцом.

Вечером, лёжа на кровати, я снова открыл её страницу во «ВКонтакте». Группа «Мокрое. Жизнь вне города» жила своей тихой жизнью – новые фото тумана над рекой, подпись «Утро добрым не бывает, оно бывает красивым». Я поставил лайк и сам себе усмехнулся: вот ведь, городской мажор лайкает деревенские рассветы. Затем пару человек спросили про удаленный пост, я ничего не ответил, потому что больше не хотел втягивать ее в это. Все равно, завтра забудут. В ленте так всегда, один пост сменяется другим, вечный круговорот новых обсуждений. Надеюсь, она не перестанет со мной разговаривать, потому что, отчего то безумно захотелось увидеть ее улыбку снова.

Глава 7

Прошло почти две недели с тех пор, как у соседей за забором замаячила фигура в брендовых кроссовках, а мне уже казалось, что я знаю этого мажора всю жизнь. Или, по крайней мере, видела его в таких ситуациях, в которых он предпочел бы не оказываться.

Поначалу казалось, что он сломается. Уедет, сбежит через леса, втайне вызовет такси и укатит в город, но нет, он остался, и началось шоу под названием «Денис Морозов в мире деревенской реальности».

Я наблюдала за ним из-за забора, с крыльца своего дома, из окна комнаты, и каждый день получала новую порцию смеха. Про его пребывание здесь можно было бы с легкостью снять комедийный фильм. То он пытался включить насос, а тот окатил его ледяной водой. То шел по двору, и забрел в крапиву, потому что не отлипал от телефона. То пытался подоить козу, это вообще было лучшее зрелище, что я видела за последнее время. Он подошел к ней сзади, с кружкой, будто к кулеру с водой, и получил копытом в бедро. И когда ему, наконец, удалось сесть сбоку, то Маня просто ушла от него, задрав хвост. А про его остросюжетные отношения с Петро вообще стоит написать отдельную историю.

В такие моменты он был живым. Не тем надменным мажором с лекций по английскому, который смотрит сквозь тебя,

как будто ты пустое место, а обычным парнем, который пытается привыкнуть к новому ритму жизни, с которым раньше не сталкивался. У него пока не особо получается, но он явно старается, хоть и постоянно ворчит. В такие нелепые моменты в нем просыпается что-то мальчишеское.

Я ловила себя на мысли, что начинаю считать его милым, как будто невидимая сила покопалась в моей голове и выбросила оттуда все, что я знала о нем раньше. Честное слово, каждый раз, наблюдая за ним, мое выражение лица становилось слишком мечтательным. Вчера, например, он вышел во двор с лопатой на плече, чтобы помочь Марии Петровне в огороде, и буквально через пять минут у него сломался черенок. Он стоял с двумя половинками в руке, и смотрел на них с таким видом, будто уронил айфон в колодец, а потом, как ни в чем не бывало, попытался продолжить копать сломанной лопатой. И я хихикнула, не злорадно, а как-то тепло.

И тут же одернула себя.

Варя, очнись, он не милый. Нет, нет, нет. Он просто городской мажор, неумеха, которого почти насильно привезли к нам, и который не умеет держать лопату, и путает грабли с тяпкой. Это еще не делает его хорошим человеком, и уж тем более милым, это делает его беспомощным, а ты слишком добрая, вот и все.

Но аргумент рассыпался, стоило нам заговорить о погоде, и когда я видела, как он, чертыхаясь в очередной раз, отряхивает свои когда-то белые кроссовки от пыли и от навоза.

Если честно, смотреть на то, как умирают его вещи, было больно. Я знала цену деньгам, и мне было жаль деньги его родителей, хотя это не должно было меня особо волновать. Я видела, что он абсолютно не понимает, что одежда здесь – расходный материал, и вещи умирают быстро, особенно брендовые.

Вчера я заметила, как он вывесил сушиться свою футболку с каким-то пафосным названием. Она была в ужасном состоянии: пару пятен от травы, дырка на рукаве, и вся какая-то убитая. Рядом висел его спортивный костюм с лампами, который стоил, наверно, как моя стипендия за полгода, а то и больше, а теперь штаны от этого костюма были в затычках, а кофта в разводах от речной воды.

И мне стало его жаль, по-настоящему.

Поэтому, сегодня утром, когда он вышел на улицу в очередном дорогушем костюме с шортами, видимо, последнем, я решилась.

– Денис, – позвала я через забор. – У тебя еще много таких вещей осталось?

– Пара футболок, шорты и вроде еще одни брюки, а что? – он пожал плечами.

– А то, что твои вещи больше не вынесут этих мучений, работа в деревне не щадит никакую одежду, особенно бренды.

Он нахмурился, кажется, он и так догадывался про это, но не хотел признавать, и переодеваться во что-то другое.

Даже его попытка позаимствовать рубашку деда не принесла успехов, он проходил в ней максимум час.

– И что ты предлагаешь? – спросил нервно, но с интересом.

– У нас есть магазин, частный. Тетя Рая держит. Там продается одежда, обычная, которую не жалко, и в которой на тебя не будет кидаться Петро.

Он задумался. Я видела, как в нем борются два желания: ходить и убивать до конца брендовые вещи или попытаться сохранить их остатки, купив другую одежду. Потом он кивнул.

– Ладно, веди. На пару дешманских футболок денег из карманных расходов хватит.

Магазин тети Раи не был торговым центром, хотя, как мне сказал Денис, он представлял себе именно его. Это была небольшая постройка с окнами и крышей. Внутри все было достаточно цивильно: стеллажи с вешалками, на которых висела одежда, от нижнего белья до трикотажных штанов, а на полу стояли резиновые сапоги всех размеров, дешевые резиновые шлепки, и обычные кроссовки. Здесь пахло мылом, стиральными порошками, потому что, помимо вещей, тетя Рая торговала хозяйственными принадлежностями.

Когда мы вошли, над дверью звякнул колокольчик. Я видела, что Денис слегка поморщился.

– А я-то думал, откуда у деда с бабой мыло берется.

– Теперь будешь знать, – я улыбнулась.

Из-за шторки вышла тетя Рая, женщина достаточно больших размеров, с добрым лицом и цепким взглядом, который сразу прилип к Денису.

– О, это тот самый городской? – спросила она у меня.

– Да, тот самый.

Денис хмыкнул и сложил руки на груди.

– Одежду выбирать будете, или просто пришли поглазеть?

Денис демонстративно выпрямился, и просканировал все помещение взглядом, достойным владельца бутика на Патриарших.

– Одежду, – сказал он. – Что-нибудь попроще.

Теперь уже хмыкнула я. Куда уж проще.

Он подошел к стеллажу с футболками, и принялся перебирать их так, будто выбирал костюм на показ мод. Достал одну с надписью «Сочи 2014».

– Это что? Мерч олимпийских игр столетней давности?

– Это простая футболка, – выдохнула я. – Смотри, мягкая, хлопковая, идеальная для работы в деревне.

Он поморщился, повесил обратно, взял другую – синюю, с каким-то размытым пятном.

– А это что за ужас?

– Это абстракция, – серьезно сказала тетя Рая, – модная вещь.

– Модная вещь сейчас на мне, – он демонстративно ткнул пальцем себе в грудь, – а это – просто размытое пятно на однотонном фоне.

После его слов я испугалась, как бы тетя Рая не обиделась, но она лишь покачала головой и скрестила руки на груди, готовая к дальнейшему представлению.

Денис пошел к штанам, достал одни – спортивные с тремя полосками, синие с белыми.

– Это же подделка под «Адидас», причем, даже не китайская, а из какого-то подвала.

– Зато не жалко, и к Петро ходить самое то, подумает что ты свой.

Денис бросил на меня убийственный взгляд, но штаны, все-таки не выпустил, продолжил копаться дальше, достал камуфляжные бриджи, с карманами по бокам на липучках.

– Господи, я в этом не буду ходить даже под страхом смерти.

– Зря, – сказала тетя Рая, – для рыбалки самое то.

– Я не собираюсь на рыбалку.

– Поверь, все еще впереди, – сказала я шепотом.

Денис снова зыркнул на меня. Это продолжалось, наверное, около часа. Он перебирал абсолютно все футболки, все штаны, один раз понюхал резиновые сапоги, и пожаловался, что они воняют резиной. Тетя Рая смотрела на него с подозрением, но в глазах плясали искорки интереса, видимо, она понимала, что клиент он не простой.

Я же терпеливо ходила рядом, иногда давая советы. Это было забавно. Денис даже здесь, среди дешевых вещей, хотел найти то, в чем бы он выглядел так, словно сошел с обложки

журнала форбс. Но у него это плохо получалось, потому что выбор здесь был достаточно ограничен, а вкус у него достаточно обширным, и привередливым.

В итоге, он сдался, и сложил на кассу кучу вещей: две простые однотонные футболки серого цвета, одни спортивные штаны, одни шорты до колен цвета хаки, пару носков, одну пару кроссовок, и, не без моих уговоров черные резиновые сапоги до середины голени.

– Это все, – сказал он таким тоном, будто подписывал капитуляцию.

Тетя Рая посчитала, сказала сумму, Денис полез в карман, достал оттуда несколько купюр, расплатился, и вдруг улыбнулся.

– А знаете, это даже необычно, – сказал он, забирая два пакета с вещами. – Как винтажный секонд-хенд, только с душой.

Тетя Рая расцвела, а я чуть не поперхнулась. Он сделал ей комплимент? Он, который пять минут назад недовольно фыркал на каждую вещь.

Мы вышли на улицу, солнце слепило глаза, приходилось щуриться. По дороге домой Денис вдруг остановился, повернулся ко мне и сказал совершенно серьезным тоном:

– Спасибо, Варь. Если бы не ты, то мои вещи так и продолжили бы гнить. Теперь я буду похож на человека, который больше вписывается в здешнюю среду.

Я подняла на него взгляд, и поняла, что смотрю прямо в

его глаза, они у него были карие, с теплыми искорками от солнца. И я не смущаюсь, не отвожу взгляд, не чувствую себя серой мышью, как в университете, а он не смотрит на меня, как на пустое место. Оказывается, между нами может быть неплохой диалог.

В городе я прошла бы мимо, в надежде, что он меня не заметит, потому что там он был другим – холодным, далеким, чужим, и в городе я была не собой. А здесь, сейчас, он стоит передо мной в своих брендовых кроссовках, которые уже не спасти и говорит «спасибо». Вроде простое слово, но насколько оно может быть значимым в определенной ситуации.

– Пожалуйста, – ответила я. – Обращайся, могу еще чему-нибудь научить.

Он улыбнулся, а у меня в груди что-то екнуло, что-то опасное, что я пока мисть не хотела выпускать наружу. Мы шли домой, а он говорил о том, что завтра наденет шорты и пойдет к петуху с реваншем, а я смеялась и думала: «Варя, осторожно, кажется, этот городской мажор начинает нравиться тебе по-настоящему». И мне хочется, чтобы он смотрел на меня так, как сейчас, даже там, в городе.

Глава 8

Две недели, четырнадцать дней, или триста тридцать шесть часов вечности я уже находился в деревне Мокрое. Время шло так, будто никуда не спешило. Я даже успел привыкнуть к этому красногребешковому будильнику, и уже не вздрагивал, если он орал в пять утра. Научился различать куриц в лицо, и даже дал некоторым из них имена: Дуня, потому что она всегда была надутой, Клеопатра, которая ходила с важным видом, Булочка, самая миролюбивая, и Терминаторша, курица, которая обороняла свои яйца. Я знал, где лежат грабли, и мог отличить их от тяпки, и почти перестал путать крапиву с малиной.

Кожа на ладонях становилась грубой, и я уже подумывал отправить Варю в местный торговый центр тети Рая, чтобы она купила мне крем, но просить о таком Варю было стремно, а идти самому за кремом...ну уж нет. Даже моя спина перестала болеть и втянулась в работу. Я стал отключаться уже в десять вечера, потому что целый день на свежем воздухе выматывал организм.

И вот в очередной день превращения меня из мажора в деревенского парня, роясь в сумке в поисках чистых носков, я наткнулся на плавки, о которых совершенно забыл. Брендовые, черные, с ярким логотипом на поясе, я бросил их в сумку на автомате, когда собирался, отточенное движение

для отдыха на яхте.

Я достал их, повертел в руках, и вдруг остро захотелось воды. Не из уличного ручейника, не из ведра со льдом, которое каждое утро выливал на себя дед, а у меня при виде этого кости превращались в сосульки, даже не воды из душа, а настоящей – речной, живой. Хотелось смыть с себя пыль деревни, которая, кажется, въелась в поры. Но был нюанс. Я понятия не имел, где тут купаются. Речка петляла вокруг деревни, но на какой берег я бы не попадал, тот был либо заболочен, либо в камышах ростом с меня, либо с каким-то страшным обрывом. А идти одному на поиски нормально-го дна, после всего того, что со мной здесь произошло, я не собирался. Я представил, как меня уносит течением, как я наступаю на какую-то корягу и ломаю ногу, или чего хуже, как меня снимают на видео местные мальчишки, потому что я испугался лягушки. Нет, мне нужен был проводник, дабы сохранить остатки репутации.

И единственным человеком, который подошел бы на эту роль – была Варя.

– Варь, – я нашел какой-то ящик и залез на него, чтобы быть выше забора. – Тут такое дело, я плавки нашел.

Она как раз была на улице, развешивала белье на веревке, и замерла с прищепкой в зубах.

– Поздравляю, – сказала, не вынимая прищепку. – Рада за тебя и твои плавки.

– Я хочу искупаться, на речке, но не знаю, где здесь у вас

купаются. Покажешь?

Она вынула прищепку изо рта и задумалась. Потом кивнула.

– Можно вечером, днем у меня дела, нужно помочь маме, потом свободна. Зайду часов в семь?

– Лады, – я попытался ответить как можно более нейтрально, но внутри почему-то все ликовало. Вечер, речка, Варя в купальнике. Наверняка, это будет великолепное зрелище.

Так, стоп, Морозов, придержи коней. Ты просто хочешь поплавать в речке, это просто купание, а не свидание.

Но остаток дня я был на взводе. Помог деду перетаскать дрова, героически навестил владения Петро с заданием покормить куриц, это оказалось проще и быстрее, чем собираться яйца, даже нарвал для бабушки укропа, за что был вознагражден подозрительным взглядом и вопросом: «Внучек, ты часом не заболел?».

К семи часам я принял прохладный душ, потому что хотелось быть бодрым и свежим. Натянул плавки, сверху – шорты, купленные в торговом центре тети Раи. Взял полотенце, которое выдала бабушка со словами: «Это новое, чистое, не порви. Вернуть в целости и сохранности».

Варя появилась ровно в семь. Я ждал у калитки.

– Готов? – спросила она, поправляя лямку рюкзака, из которого торчало полотенце.

– Всегда готов, – ответил я, и мысленно дал себе подза-

тыльник.

Она повела меня через деревню, потом по тропинке вдоль реки, в противоположную сторону чудо моста. Тропинка петляла среди ивняка, воздух дальше от деревни становился влажным и прохладным, пахло водой и какой-то травой. Минут через десять мы вышли к небольшому подобию пляжа с деревянным пирсом, который уходил метра на три в реку. Место было тихим и скрытым от посторонних глаз. Вода была спокойной и темной, лишь возле берега колыхались небольшие волны.

– Пришли, – сказала Варя. – Глубина есть, но она небольшая, дно песчаное, без камней и колючек. Сюда ходят в основном местные, но редко, потому что для рыбалки место не подходит.

Я кивнул, скинул шорты с футболкой и остался в одних плавках, солнце еще приятно согревало. Я повернулся к Варе, чтобы сказать что-то про воду, и замер.

Она сняла майку и шорты, и теперь стояла в одном купальнике. Он был темно-синим, слитным, с открытой спиной и двумя скрещенными между собой полосками, соединяющими верх и низ спереди, подчеркивающий все, что можно, и что нельзя. Изыщные плечи, грудь, талию, переходящая в бедра, длинные, стройные ноги, с изящными щиколотками. Когда она ходила в коротком топе, это не было настолько красиво. Сейчас, это возбуждало так, что у меня перехватило дыхание.

Как? Как я мог смотреть на нее в универе и видеть только серую мышь? Сейчас это просто не укладывалось в голове. Я что, в городе был настолько слеп, что замечал только яркие обертки, и пропускал такую красоту?

– Денис? – ее голос спустил меня с небес на землю. – Ты чего застыл? Вода не слишком холодная, не бойся.

– Я не боюсь, – начал я, но не успел договорить.

Варя подошла ближе, ее ладони уперлись мне в грудь, и мир перевернулся. Я увидел лишь ее голубые глаза, прежде чем почувствовал толчок в грудь и потерял опору под ногами, а в следующую секунду я очутился в прохладной воде, которая сомкнулась над головой.

Я резко вынырнул, отплеываясь, и чуть подрагивая телом, не готовому к резкому перепаду температуры. Сверху, с пирса, раздался смех Вари – звонкий, счастливый и, абсолютно заразительный.

– Варя! – заорал я. – Ты что, с ума сошла?!

– Ты бы так и стоял до заката! – крикнула она, а затем сама прыгнула в воду.

Когда она вынырнула, ее волосы облепили лицо, но в глазах плясали чертики. Она была так близко, что я видел капли воды на ее ресницах.

– Ну что? – спросила она, улыбаясь. – Остыл?

– Я тебе это еще припомню, – пообещал я, но прозвучало скорее восхищенно, чем угрожающе.

Мы плавали, по-настоящему, не как на тех пляжах, где

все томно лежал на надувных матрасах. Она показывала мне где дно глубже, а где можно стоять на носочках, рассказывала про речных раков, которые живут под корягами на другом берегу. Я плывал рядом и чувствовал себя счастливым ребенком, когда мир вокруг тебя кажется забавным и прекрасным. Вода смывала не только пыль, но и что-то еще, какую-то шелуху, налипшую за годы в жизни в городе.

А потом она сказала это, с совершенно серьезным видом.

– Денис, ты главное к тем камышам близко не подплывай.

– Почему?

– Там рыба водится, ядовитая. Уколет плавником, и все, ногу раздует так, что не влезешь ни в одни свои брендовые кроссовки. В прошлом году местного тракториста уколола, так он неделю с костылями прыгал.

Я замер, камыши были совсем рядом. По спине пробежал холодок.

– Что? Какая рыба? В смысле, ядовитая?!

– Обычная, – Варя пожала плечами. – Маленькая такая, серая, с колючками, мы ее так и зовем «колючка». Она у дна прячется, так не заметишь.

Я рванул подальше от камышей, к середине реки так быстро, как ни плывал никогда в жизни. В голове проносились кадры из фильмов про пираний, где эти монстры сжирают людей, и где героев раздувает от яда, и они умирают в конвульсиях.

– Варя! – крикнул я, оборачиваясь. – Плыви быстрее сю-

да! Ты чего там застыла?

Но она не двигалась, стояла по пояс в воде и хохотала. Да так громко, что эхо разносилось над рекой и пугало лягушек.

– Денис, – выдавила она сквозь смех. – Я пошутила, нет здесь никакой ядовитой рыбы, и никогда не было.

Я замер, держась на воде. Чувство облегчения смешалось со жгучим желанием утопить Варю, ну или хотя бы отомстить.

– Ты, – начал я, медленно приближаясь к ней, как акула. – Знаешь, что за такое делают в городе?

– Что? – она еще улыбалась, но уже настороженно.

– Брызгаются!

Я со всей силы ударил ладонью по воде, поднимая тучу брызг. Варя завизжала, и стала брызгаться в ответ. Мы играли с водой, как дети, с криками и смехом, пока оба не выдохлись и замерли, тяжело дыша. Вода стекала по телу, и почему-то было так хорошо, что не хотелось, чтобы это заканчивалось. Первыми застучали зубы у меня.

Мы выбрались на берег, солнце уже почти село, окрашивая небо в розовый, сиреневый цвета. Мы сидели на пирсе, завернувшись в полотенца и молчали. Наши плечи почти соприкасались. Он Вари пахло рекой и, как всегда, чем-то сладким.

Я смотрел на закат, но краем глаза видел ее профиль. Мокрые волосы, прямой нос, длинные ресницы, чуть приоткрытые губы, на которых еще была улыбка, и глаза – в них

отражалось закатное небо, и они светились. Не в переносном смысле, а в буквальном.

У меня внутри что-то сжалось. Захотелось протянуть руку, убрать влажную прядь с лица, дотронуться до кожи. Интересно, она такая же мягкая и шелковистая? И сейчас, наверно, еще и прохладная.

Моя рука дернулась в порыве, и я почти сделал это, почти, но в последний момент опомнился.

Стоп, Морозов. Это всего лишь момент, адреналин, после купания. Закат, вода, все смешалось, и ты просто поддался этой атмосфере. Не усложняй. Она ведь, не та, с кем ты привык проводить время, и заводить интрижки. Она другая.

Но, черт возьми, другая? Почему в городе она была серой мышью, на которую я бы никогда не посмотрел, а здесь – самое красивое создание на земле, что я когда-либо видел. Этот вопрос мучил меня всю обратную дорогу, и я не выдержал.

– Варь, – позвал я, когда мы уже почти дошли до ее дома.

– Что?

– Почему ты не можешь быть такой там?

– Где «там»?

– В городе, в универе. Ты всегда сидишь в углу, одеваешься во все темное, и не с кем не общаешься. Ты ведь не такая, ты ведь живая, настоящая. Я не понимаю, почему ты не хочешь быть такой там?

Она долго молчала, глядя куда-то вдаль, потом пожала плечами и улыбнулась – просто, без кокетства.

– Просто не хочу, не хочу и все.

– Но почему? – не отставал я. – Ты бы была самой классной девчонкой.

– А ты думаешь, это так просто? Взять и быть собой там, где совершенно другие правила? Я пыталась быть собой ровно один раз, в начале учебы. Пришла в цветастом платье, с распущенными волосами, и знаешь, что сказали? «Ты чего вырядилась, как на деревенскую дискотеку?», а потом до конца учебного дня парни и девчонки обсуждали мой «необычный прикид». Не надо мне такого внимания.

– Но сейчас же ты не боишься.

– Сейчас я дома, пойми ты. Здесь баба Нюра скажет: «Ой, какая красивая», а тетя Рая обидится и спросит: «Где такое платье купила?», разницу чувствуешь?

Я молчал. Она говорила простые вещи, но от них почему-то стало не по себе. Я ведь и сам смеялся над таким, или смотрел свысока, или вообще не замечал.

– Прости, – сказал я тихо.

– За что?

– За то, что в городе был, ну ты знаешь.

– Дураком? – она улыбнулась.

– Не то слово. Но я не хочу быть таким здесь.

– Вот и не будь, – ответила Варя, и толкнула калитку. – Спокойной ночи, городской.

– Спокойно ночи, деревенская, – отозвался я, и она фыркнула, но заходила в дом уже смеясь.

Я остался стоять. Влажное полотенце на плече, мокрые волосы, в голове – ее слова, в груди – странное, тянущее чувство. Я думал о том, что в городе у меня было все: деньги, статус, вечеринки с друзьями, а здесь – дед с бабушкой, куры, картошка и девушка, которая в первый наш диалог заставила таскать воду из реки. Новый ритм жизни был другим, но я чувствовал, что мне начинает нравиться, и что мне здесь становится хорошо.

И что с этим делать, я пока не знал.

Глава 9

День начался с того, что у ворот дедова дома затормозила знакомая черная «Ауди». Я узнал ее по звуку двигателя еще до того, как выглянул в окно. Просто мед для ушей. Сердце сначала подпрыгнуло – свои, городские, а затем – почему-то кольнуло тревогой. Еще в тот день, когда я получил заветный пароль от вай-фая, я рассказал в какой деревне нахожусь. Ребята грозились приехать и выкрасть меня отсюда, но я не думал, что они реально заявятся.

Из машины вылезли Костя и Матвей, Лехи не было. Я сразу увидел на их ногах белые кроссовки, брендовые спортивные костюмы, золотые цепи, и усмехнулся. Я-то уже ученый по таким делам. Она вертели головами по сторонам с таким видом, будто попали на съемочную площадку какого-то фильма ужасов.

– Ден! – заорал Костя.

Я вышел на улицу и пошел к ним.

– Ден, ты живой? – Матвей раскрыл руки для объятий. – Комары не сожрали?

– Я в порядке, – я обнял Матвея. Признаюсь, был рад видеть этих идиотов, но не был рад их реакции на деревню, хотя сам изначально плевался. Теперь я мог наблюдать, как это выглядело со стороны.

– Ну и дыра, – Костян прищурился, высматривая курят-

ник за забором. – Ты реально торчишь здесь уже почти три недели? Где твоя БМВ? Где, ну хоть какая-то жизнь?

– Жизнь есть, – ответил я резче, чем планировал. – Просто другая.

Они переглянулись, но комментировать не стали. Я повел их в дом, познакомил с дедом и бабушкой. Бабуля хотела накормить их своим капустным пирогом, но я повел друзей во двор, спасая их нежные желудки.

– Слушай, мы ненадолго, – Матвей достал телефон, навел камеру на меня, и принялся снимать видео. – Тебе нужно выкладывать больше контента «Мажор в деревне», такой хайп будет!

– Не надо, – я закрыл рукой камеру. – Убери это.

– Да ладно тебе, ты чего?

Но я уже заметил Варю. Она вышла во двор, чтобы покормить Бублика. Ее взгляд выцепил незнакомую машину, затем она повернула голову в нашу сторону и замерла у забора. Я хотел позвать ее, познакомить, но Костян опередил.

– О, а это кто? Та самая, с которой ты удалил пост? Деревенская?

Варя напряглась, но вежливо кивнула.

– Привет.

Костя окинул ее взглядом с ног до головы, как привык это делать. На Варе были простые шорты, волосы в хвосте – ничего особенного.

– Привет, – Костя усмехнулся. – А ты ничего такая. И,

кажется, я тебя уже где-то видел.

Я чувствовал, как во мне закипает злость. Мне почему-то захотелось показать им, что Варя со мной, и что она действительно классная.

– Варя, иди к нам, – сказал я, стараясь, чтобы голос был спокойным. – Познакомлю.

Она, было, сделала шаг вперед, но влез Матвей:

– Слушай, Ден, мы же по делу приехали. Забрать тебя с этой дыры. Ты как выдерживаешь? Или уже на местных девок западать стал? – он хохотнул. – Ты на таких в городе в жизни не посмотрел бы.

Варя замерла. Я видел, как поменялось ее выражение лица, стало каменным, та самая броня, что в городе – непроницаемость, серая мышь. Она развернулась и молча ушла в дом, даже не хлопнув дверью.

– Ты совсем охренел! – я взял Матвея за грудки. – Это моя соседка, и она лучше всех городских девок вместе взятых.

Матвей резко оттолкнул меня.

– Что, стал таким же? Деревенским?! Да ты же вернешься в город и забудешь ее сразу! Не дури, Ден! Ты богатенький мальчик, а она кто?

– Давай свалим отсюда, – Костя хлопнул меня по плечу. – Ты реально напряг поймал. Тебе надо в город, расслабиться. Завалимся на какую-то тусу, повеселимся. Я уверен, твой отец давно остыл, домой вернешься.

– Нет, – отрезал я. – Вы сказали то, что не надо было го-

ворить. Валите сами.

Они уехали через полчаса, обиженные и недоумевающие. Я стоял у калитки и чувствовал себя паршиво, не за то, что прогнал друзей, а за то, что они говорили про нее. Варя слышала, и она не заслуживала таких слов.

Весь остаток дня я не решался подойти к ее дому, хотя стоило объясниться, а она сама не выходила. За забором было тихо, даже Бублик не гавкал, это было подозрительно.

А потом, под вечер, я услышал крик.

– Бублик! Бублик, домой!

Я выскочил во двор, Варя стояла у калитки, я пошел к ней. Она была бледной и растерянной.

– Что случилось?

– Он убежал, – она попыталась сделать равнодушное лицо. – Бабушка забыла закрыть калитку, во дворе никого не было, чтобы проследить за ним. В общем... не волнуйся, сама найду.

– Я с тобой, – и, не дожидаясь ответа, двинулся вперед.

– Не надо, Денис. Твои друзья правы, я всего лишь...

– Мои друзья – идиоты, – перебил я. – Они не знают, какая ты, а я знаю. Пошли искать пса.

Варя посмотрела на меня с таким выражением лица, будто я предложил ей слетать на луну, но спорить не стала.

Мы пошли в лес, следы в пыли от его лап указывали в том направлении. Этот лес я видел только с дороги. Тропинка начиналась сразу за огородами, и через несколько метров

углубь я перестал понимать, где север, а где юг. Варя шла впереди, звала Бублика.

– Бублик! – кричала она.

– Бублик, ты оглох?! – орал сзади я, но в ответ трещали лишь ветки под ногами.

Мы углубились в чащу, ветки хлестали по лицу, корни пытались подставить подножку, а я молился всем богам, чтобы Варя знала, куда идет, и как идти обратно, потому что солнце уже собиралось спать. Очередная ветка прилетела мне в лицо, я зажмурился, а в следующее мгновение моя нога провалилась вниз, в нечто, напоминающее жидкую грязь.

– Твою мать! – я замер. – Это что такое?!

– Болото, – спокойно ответила Варя, разворачиваясь. – Вытаскивай ногу, только резко не дергайся, а то сапог потеряешь.

– У меня на ногах кроссовки! Брендовые! – простонал я.

– И на кой тебе в лесу кроссовки?

– До того, как убежал Бублик, я не знал, что пойду в лес и провалюсь в болото!

Ругаясь, я аккуратно вытянул ногу. Кроссовок, слава богу, остался на мне, но стал теперь весом под три килограмма и цвета «эпический провал». Я как мог отлепил от обуви грязь.

– Откуда здесь болото?

– Подземный ручей, – Варя ускорила шаг. – Тут всегда сыро. Не ной, Денис.

– Я не ною, я констатирую факты.

Мы прошли еще метров сто. Лес стал чуть реже, впереди виднелся просвет, и тут Варя резко остановилась, прижала руку к губам.

– Слышишь?

Я прислушался, откуда-то слева раздавался скулеж, очень знакомый скулеж. Он был жалобным и нервным. Бублик не гавкал, как обычно, он скулил и царапался.

– Это там! – Варя рванула вперед, я за ней, с хлюпающей грязью в кроссовке.

Мы выбежали на берег небольшого лесного ручья, вернее, на то, что когда-то им называлось. Сейчас там была бобриная плотина – бревна, ветки, грязь, и посреди этого шедевра мы увидели застрявшего Бублика. Его задняя лапа застряла между толстыми бревнами, и его попытки вытащить ее были бесполезны. Увидев нас, он заскулил еще отчаяние.

– Бублик! – Варя кинулась к нему, но я схватил ее за руку.

– Стой, нужно сначала бревна убрать, иначе, только хуже сделаешь.

Она посмотрела на меня так, будто я сказал что-то неожиданно умное.

Я подошел к плотине, думать было некогда. Шагнул в воду, она была холодной и по колено. Глаза Бублика были полны паники, и мое сердце сжалось. Я недолюбливал этого пса, но сейчас готов был разобрать всю плотину, чтобы вытащить его оттуда, что собственно и принялся делать.

Первое бревно поддалось с трудом, оно было скользким и

тяжелым. Я уперся ногами в дно, подцепил дровиняку, дернул ее, и вытащил из завала. Второе оказалось толще, оно царапало ладони, и поддалось только через несколько попыток. Третье застряло намертво. Я отдышался.

– Варь, подай мне крепкую палку.

Она быстро нашла с виду мощную ветку, сунула мне ее в руки. Я использовал ее как рычаг – уперся одним концом под бревно, и навис сверху всем телом. Бревно поддалось, но вместе с ним поддалась и моя опора, я поскользнулся, плюхнулся в ледяную воду, но бревно сдвинулось достаточно.

Бублик выскочил и побежал к Варе, жалобно тяфкая. Та обняла его, стала говорить какие-то ласковые слова и одновременно отчитывать за то, что убежал.

Я стоял уже по пояс в воде, в грязи, в кроссовках, которые сегодня выкину, и буду оплакивать, но чувствовал себя гребаным героем.

– Денис! – Варя подняла на меня глаза. – Ты весь мокрый.

– Да, есть немного, а еще руку поранил, но главное, что этот лохматый зверь в порядке.

Она встала, поставила лапы пса на землю, и подошла ко мне, я уже успел выйти из этого горе ручья. Бублик крутился рядом, пытаясь запрыгнуть на меня, и видимо лизнуть.

– Иди ты, – отмахнулся я от него.

А потом Варя сделала то, чего я совсем не ожидал. Она встала на носочки, ее руки легли мне на плечи, и поцеловала меня, мокрого, воняющего болотом, в щеку. Быстро, но так

тепло, что на секунду я забыл, как дышать.

– Спасибо тебе, правда спасибо, – я видел, как она сама засмушалась, видимо, сама не ожидала от себя такого. – Пойдем домой.

Из леса мы вышли, когда уже совсем стемнело. Всю дорогу шли молча, и только у калитки Варя обернулась.

– Покажи руки, – сказала деловито.

– Не надо, я и дома сделаю.

– Покажи.

Я вздохнул и протянул ей ладони, они были грязными, с содранной кожей. Варя нахмурилась.

– Нужно быстро обработать. Идем, – и потянула меня на крыльцо. – Сиди, жди.

Она появилась через минуту с аптечкой и бутылкой воды в руках. Аккуратно отмыла грязь. Ее пальцы были осторожными, когда она стала мазать ссадины зеленкой, я зашипел, она быстро подула.

– Надо было позвать дедов, они бы помогли.

– Ага, пока они дошли, Бублик уже окочурился бы. Все нормально, Варь, я жив, и почти здоров.

Она улыбнулась. И от этой улыбкой с ямочками, у меня внутри все перевернулось.

– Иди домой, городской, – сказала она. – Кроссовки жалко только.

– Да, они много со мной прошли.

Когда я шел к себе, я слышал, что Варя еще говорила с

Бубликом о плохом поведении, а затем, что-то напевая, зашла в дом.

Ночью, лежа в кровати, я думал о том, что она меня поцеловала. Это был самый невинный поцелуй от девушки за всю мою жизнь.

– Черт, Морозов, только не влюбись.

Глава 10

День обещал быть скучным. После того, как дед узнал о том, что я героически, рискуя своими кроссовками спас Бублика из завала, великодушно дал мне выходной. Сказал: «Отдыхай, внучек, заслужил. Своего в беде не бросил. Только кур покорми». Ага, если б не Варя, я бы за этим лохматым и не пошел, но ради нее, как оказалось, был готов на многое. Даже утопить свои несчастные брендовые кроссовки. Видимо, они были слишком мне дороги, раз постоянно о них думаю.

Кур я покормил, дождался, пока на горизонте не будет видно Петро, и насыпал корма. Потом бабуля накормила меня пирогом с чаем.

К обеду я остался совершенно без дела. Дед уехал к какому-то соседу, а задания, в основном давал мне он. Я сидел на крыльце дома, и бездумно листал ленту. Солнце палило в макушку, Варя сказала, что помогает матери с заготовками. Я только пару раз увидел, как она мелькнула в окне, помахав рукой.

Подписчики росли, их число уже перевалило за три тысячи. Похоже, что вся молодежь при деньгах решила наблюдать за одним мажором в деревне. До сих пор не мог уловить суть. Мои старые фото из клубов, яхт с идеальной жизнью, набирали по пятьдесят лайков, а сейчас какая-то фотка с курят-

ником набирала по триста за час. Люди писали: «Продолжай, мажор!», «Когда новый пост с козой?», «Ты там себе деревенскую еще не нашел?». Последний комментарий заставил меня хмыкнуть, и я быстро пролистал дальше.

Я как раз думал о том, чтобы выложить фото с Петро, который сегодня попытался напасть на меня, когда я заканчивал кормить кур, но поскользнулся на мокрой траве и шлепнулся с таким возмущенным видом, что я ржал минут пять и успел сделать пару фоток, когда телефон завибрировал.

На экране высветилось «Мама».

Я удивленно поднял бровь. Обычно, родители звонили редко, и то, просто узнать здесь ли я еще или уже сбежал.

– Привет, – ответил, стараясь, чтобы голос звучал радостно.

– Денис, родной! – пару секунд какого-то молчания. – Как ты там? Не одичал еще? Дед с бабой не загоняли? Я им говорила, чтоб поласковей, но кто ж дочь слушает...

– Все в порядке, мам. Я уже почти свой, кур кормлю, картошку копаю, Бублика из болота достаю.

– Какого Бублика?! Из какого болота?! – в трубке послышался шорох, а затем голос отца: – Дай сюда.

– Денис, – голос отца был сух. – Степан Иванович звонил. Говорит, ты даже работаешь, и не жалуешься. С козой общий язык нашел, я удивлен.

– Спасибо, пап, – я не удержался от сарказма. – Всегда знал, что ты в меня веришь.

– Не дерзи. Я думал, ты сбежишь через три дня, а ты, смотрю, окопался. Дед говорит, даже с соседской девчонкой подружился.

Дед разведчик сдал меня со всеми потрохами.

– Есть такое, Варя помогает освоиться.

– Смотри, чтобы это освоиться не зашло слишком далеко, такие летние романы затягивают, а тебе в сентября в университет возвращаться.

– Она вообще-то из моего универа, – сказал я слишком тихо. Отец не понял.

– Ладно, мать спрашивает тебе еды городской передать?

– Зачем? Бабуля отлично готовит, а ее пирог с капустой даст фору любому блюду от шефа.

Отец хмыкнул, затем сказал что-то типо «ну-ну», попрощался и повесил трубку. Я лег прямо на крыльцо, раньше класть голову на что-то, что тверже подушки, казалось, безрассудным, а теперь даже не брезговал, что какой-то паук запутается в моей шевелюре. Родители удивились, что я не сбежал. Да я и сам, если честно, удивился этому. Как приехал сюда просто ныл, но попыток к бегству не было. Просто каждый день считал часы до конца лета, а теперь, теперь ловил себя на мысли, что сентябрь – это слишком скоро.

Не успел я додумать эту опасную мысль, как телефон снова зазвонил. На этот раз звонил Леха.

Звонил по видео. Я принял вызов, и на экране появилась его довольная рожа на фоне моря и белоснежного борта ях-

ты.

– Мороз! – заорал он в камеру. – Как ты там? Комары не съели?

– Привет, Лех. Все нормально, живой, а ты я смотрю, красиво живешь.

Леха улыбнулся и развернул камеру, показывая мне палубу, девушек в купальниках и гору фруктов.

– Тут такая туса, ты бы заценил, жаль, что ты с парнями отказался ехать. Они сказали, ты там одичал, – друг заржал. – Но ты же в сентябре вернешься, устроим прием в честь тебя и быстро вылечишься.

Я неопределенно пожал плечами. Если бы мне показали эту картинку идеальной жизни в начале, как только я сюда приехал, я бы дико злился на отца в первую очередь, за то, что отправил меня сюда, и дико завидовал бы другу за то, что он там. А сейчас, ну море, девчонки, впервые что ли все это лицезрею, еще миллион раз окажусь на яхте. Здесь у меня Петро, который дает мне заряд бодрости каждый день, здесь коза, которая стала ко мне привыкать, и здесь Варя – девушка, которая смеется так, что хочется чтобы этот смех не прекращался.

– Да, устроим, – сказал я, но в голосе не было энтузиазма.

– Э, ты че такой вялый? Или ты, – Леха сузил глаза, – влюбился, и теперь не хочешь уезжать?

– С чего ты взял?

– Ну точно, покраснел. Чувак, я видел твой пост с той дев-

чонкой, который ты удалил потом, это она да? Ниче такая, фигурка, наверно, отпад. Колхозниц у тебя еще не было.

— Она не колхозница, — процедил я. — Просто помогает по-соседски.

— Ага, помогает, — подмигнул друг. — Сено в сарае перебирать, да? Ладно, Мороз, давай, у меня тут шампанское остывает. Батя кстати, прикинь, сказал, что в офисе ему помогать нужно, мол, буду наблюдать и учиться. Прикинь, почти три недели провтыкал, и тут пахать надо.

— Бедняга, прими мое искреннее сочувствие.

— Пошел ты, — он засмеялся и отключился.

Я отложил телефон и снова уставился в небо. Мне было все равно на яхту, на шампанское. Я привык быть всецело здесь, где интернет выключается ровно в 22.00, где просыпаться в пять утра от крика петуха, потому что забыл закрыть окно, где носишь вещи, которые стоят дешевле, чем кофе, который я пью в городе по утрам. Единственное, я больше не хотел, чтобы лето заканчивалось, ведь когда наступит сентябрь, я перестану видеть Варю такой, как сейчас, и это огорчало.

Я тряхнул головой. Так, Морозов, это уже перебор.

И тут телефон зазвонил в третий раз. Сегодня приемный день что ли.

Я глянул на экран и мне стало не по себе. Имя, которое, я надеялся, что больше не услышу и не увижу. Алиса, моя очередная бывшая. Мы расстались где-то полгода назад, и

это был самый счастливый момент в наших отношениях. Она была как зомби, который жрет мозги, поэтому и расставание было красивым, со скандалом, как и положено, и с ее коронной фразой «ты конченный эгоист, Морозов». Я и не спорил, просто вычеркнул ее из своей жизни. Но она, видимо, была другого мнения.

Я хотел сбросить, правда, хотел, но палец дрогнул и я нажал «Ответить».

– Привет, Денис. – Ее голос был сладким.

– Алис, зачем звонишь?

– Видела твои посты. Уехал в деревню и выкладываешь фотки каких-то баб? Ты, который постил идеальную жизнь, скатился до такого...позора?

– Алис, это мое дело, что хочу, то и выкладываю, в чем проблема?

– В том, Морозов, что ты меня позоришь! Мне подружки все уши прожужжали о том, что я встречалась с каким-то холопом! Ты хоть представляешь, как это выглядит? Почему спустя полгода я должна краснеть?

– Мне плевать, как это выглядит. Мы не вместе, угомонись уже. Мне плевать на твоих подруг. И вообще, это моя жизнь.

– Теперь твоя жизнь – позорище. Признай, что лучше, чем я, тебе никого не найти! Ты там с этими деревенщинами связался от безысходности? Что, нет ни одной нормальной девушки?

– Алис, отвали, – я уже хотел сбросить, но она продолжила.

– Ты там совсем скис? Даже поцеловаться не с кем? Если только с козой, она то уж точно не откажет.

Я сжал пальцы так, что те побелели. Все как и всегда, я не мог спокойно слушать этот ее бред.

– А вот это уже лишнее.

– Что, правда глаза режет? Ты побыстрее возвращайся в город, пока не превратился окончательно в первобытного человека. И невесту свою привози, может здешние стилисты сделают из нее человека, хотя я очень в этом сомневаюсь, можно наштукатурить лицо, но деревенский навоз ничем не выведешь.

Я не дал ей договорить. Это было слишком, это переходило все границы.

– Закрой свой грязный рот. Не смей мне больше звонить, слышишь?

– Иначе...

Я нажал отбой.

Рука дрожала, я швырнул телефон на крыльцо, и в этот момент увидел Варю возле забора. Черт, она слышала. Ее лицо было каменным, ни улыбки, ни ямочек. Она молча поставила ведро с водой на землю, развернулась и пошла прочь. Даже Бублик, который крутился рядом, чуть оскалился.

– Варь, это не то, что ты подумала, Варь, стой! Она дура, Варь! – крикнул я, подбегая к забору.

– Я ничего не подумала, Денис, – сказала она, остановившись. – Просто вспомнила, кто ты, и кто я. Все в порядке.

И ушла, почти бегом. Я стоял, как громом пораженный. Вспомнила, кто я. Да, я мажор, который по чистой случайности оказался здесь, а она, она была серой мышью, какой я считал ее раньше, но ведь, это было раньше, так нечестно. Я готов был убить Алису за ее слова, а затем вцепился в забор, и глянул на Бублика.

– Скажи ей, что я дурак, – тихо попросил его.

Ненавижу, ненавижу Алису. Я сидел на крыльце, солнце пекло, кудкудахтали куры, жизнь текла своим чередом, но я чувствовал себя так паршиво, как не чувствовал даже тогда, когда меня привезли в это Мокрое.